

Путь воина / Path of the Warrior (роман)

Этот перевод заброшен

Переводчик оставил этот перевод незавершённым.
Вопросы по переводу можно задать в [Telegram-канале Warpfrog](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Путь воина / Path of the Warrior
(роман)

Автор	Гэв Торп / Gav Thorpe
Переводчик	Anja
Издательство	Black Library
Серия книг	Путь эльдар / Path of the Eldar
Следующая книга	Путь провидца / Path of the Seer (роман)
Год издания	2010
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

«Наша жизнь подобна Линнианскому лабиринту, в котором блуждал Ультанеш. С равной вероятностью в конце загадочных коридоров могут открываться прекраснейшие виды или поджидать чудовища. Каждый должен пройти лабиринт в одиночку, порой следуя по стопам предшественников, а иной раз прокладывая новый маршрут.

В прошлом нас привлекали самые мрачные секреты – мы метались по лабиринту, словно ополоумевшие, стремясь испытать все, что только возможно. Так сбились с пути отдельные личности и вся цивилизация. Мы сами предопределили свою погибель: необузданное желание новых ощущений привело нас во тьму, к падению. Погрузившись в пустоту, мы нашли новую дорогу – наш Путь. Мудрость избранного Пути позволяет постигать тайны мироздания, помогает осмысленно продвигаться по лабиринту, дает ориентиры, чтобы путник не заплутал. На Пути мы испытываем всю силу любви и ненависти, радости и скорби, похоти и целомудрия. Каждый может реализовать свои способности, не поддавшись соблазну темных мыслей, что таятся в закоулках нашего сознания. Любое путешествие неповторимо. Так и Путь для каждого свой. Одни надолго останавливаются в выбранной точке, другие преодолевают большие расстояния, посещают множество мест, но нигде не задерживаются надолго, чтобы как следует осмотреться. Некоторые сбиваются с дороги и сходят с Пути на время или же навсегда. Бывают и те, кто забредает в такие тупики, из которых уже не выбраться».

Кайсадукас Анахорет, предисловие к труду "Самопознание на пути к совершенству"

□

Содержание

Пролог

Часть первая: Созидатель

Глава 1. Дружба

Глава 2. Творение

Глава 3. Судьба

Глава 4. Отречение

Пролог

Синее солнце отражалось в стоячей воде, а желтое едва выглядывало из-за верхушек багряных деревьев, обступивших озеро. Алые и черные птички порхали над водной гладью в погоне за мошкой. Их щебет был единственным звуком, нарушавшим тишину.

На берегу озера стояла белокаменная усадьба. Длинная, обрамленная колоннами веранда на толстых сваях нависала над самой водой. Находящуюся за галереей основную часть здания скрывали деревья. Во всех четырёх углах усадьбы возвышались башенки. Из вентиляционных отверстий в стене тонкой струйкой сочился дымок. Ветерок подхватывал его и уносил в сторону леса. Узкие окна верхних этажей, под каждым из которых из стены выступал небольшой балкончик, закрывались красными деревянными ставенками.

Вооруженные стражники стояли у высоких дверей и патрулировали периметр красной черепичной крыши. Караульные были в свободных черных брюках, заправленных в сапоги до колена, и расшитых золотой тесьмой широких красных кителей на пуговицах. Черные капюшоны покрывали их головы, а затемненные очки спасали глаза от непривычного света местных звезд. Стражники ходили кругами и беззаботно разговаривали между собой, пребывая в полной уверенности, что у них все под контролем.

Без малейшего всплеска пять силуэтов в зеленой броне выскользнули из воды. Серебристые капли скатились по находящим одна на одну пластинам доспехов. При них были пистолеты и цепные мечи. Беззвучно они поднялись на веранду и укрылись за колоннами, невидимые для охранников у двери.

Притаившись в тени, воины эльдар терпеливо ждали.

Небо озарила вспышка, и сильный взрыв сотряс фасад усадьбы. Подброшенные взрывной волной, взмыли обломки камней и расколотой черепицы. Секундой позже еще один снаряд осветил небо и взорвался, разнеся одну из башенок. Изувеченные тела охранников рухнули на аккуратно подстриженный газон.

В отдаленном конце сада появились фигуры в черной броне с длинными ракетными установками наперевес. Вспыхнуло пламя, залп снарядов обрушился на крышу усадьбы. В то же время другая группа воинов устремилась к зданию через дворик с цветочными клумбами, перепрыгивая каменные скамьи и журчащие фонтанчики.

Кенайнат, экзарх храма Беспощадной Тени, не отрывая взгляда от входа, жестом приказал своим Жалящим Скорпионам ждать в полумраке за колоннами. Как он и предполагал, часовые вскинули ружья и, оставив пост, бросились отражать атаку со стороны сада. Как только они поравнялись с эльдар, Кенайнат запустил силовую клешню в затылок ближайшего противника. Его бойцы не отставали. Пистолеты извергали град тончайших мономолекулярных дисков, цепные мечи рычали. Застигнутые врасплох, стражники были обречены. Всего за несколько минут эльдарские мечи Жалящих Скорпионов рассекли, выпотрошили и обезглавили их.

Кенайнат склонился над поверженными солдатами. Его защищенные красными линзами глаза искали признаки опасности. Другие воины эльдар, Зловещие Мстители в сине-золотой броне, запрыгнули на веранду и присоединились к отряду. Вместе они направились к черному входу.

Скрип и едва заметное движение в окне на первом этаже заставили Кенайната насторожиться. Он нырнул за одну из цветочных кадок в тот момент, когда ставни распахнулись. Остальные эльдар последовали его примеру.

Разбив стекло, из окна высунулось широкое дуло автоматического оружия и окатило веранду шквалом огня. Пули свистели, разбивали каменный пол и рикошетили от цветочной кадки, за которой прятались Жалящие Скорпионы. За спиной экзарха раздался крик Иниатерина. Зловещие Мстители открыли ответный огонь из сюррикенных катапульт. Расстрелянная жертва протяжно закричала и осела.

Кенайнат оглянулся через плечо и увидел, что Иниатерин лежит распростертый на каменном полу. Длинная деревянная щепка пробила его броню, из пронзенного горла хлестала кровь. Спустя несколько мгновений он испустил дух, тело обмякло в алой луже на белом каменном полу.

Новым взрывом выбило окна, и эльдар вломились в здание. Сквозь разбитые ставни экзарх увидел, как коридор стремительно пересекли грациозные бледные фигуры в масках Воющих Банши. Воздух пронзил оглушительный вопль.

Приказав отряду продвигаться к двери, Кенайнат бросил последний взгляд на павшего воина. Он не

испытывал жалости и не знал угрызений совести и чувства вины. Смерть – постоянный спутник тех, кто избрал Путь Воина. Отряд Кенайната понес потери. Но глядя на нелепо распростертое тело, экзарх понимал, что численность воинов Беспощадной Тени скоро восполнится. Вселенная стремится к гармонии и равновесию, и, как утверждают философы, не приемлет пустоты. Вскоре другой займет место Иниатерина.

Часть первая: Созидатель

Глава 1. Дружба

Давным-давно, еще до Войны в небесах, Эльданеш, копьеносец, друг ястреба, лорд эльдар, противостоял армиям Реш-сelayна. Эльданеш был величайшем героем эльдар, а его копье – лучшим оружием, когда-либо выкованным смертными. Но армия короля Реш-сelayна была многочисленна. Будучи лордом эльдар, чья священная обязанность – защищать свой народ, Эльданеш осознавал, что ему не по силам одержать победу в одиночку. Тогда он обратился к Ультанешу, второму величайшему воину эльдар, меченосцу, другу ворона, и попросил помощи. И дрались они бок о бок, и не устоял Реш-сelayн против их мастерства и силы. «Да будет так и впредь, – молвил Эльданеш, – во времена великих испытаний да придут с нами друзья».

Звезда умирала. Эльдар называли ее Мирианатир, что означает «мать пустынных ветров». Янтарный шар на темном небосводе. Терзаемая безудержными термоядерными реакциями и бушующими электромагнитными ветрами, она отдавала часть себя, протуберанцами расплескивая свою энергию на близлежащие планеты. Даже опаленные и безжизненные, эти миры, словно дети, тянулись к Мирианатир. Она умирала миллионы лет, и будет умирать еще столько же, даруя жизнь эльдар.

В радиоактивном свечении агонизирующей звезды, ловя звездные ветры в серебристые паруса, плыл мир-корабль эльдар – гигантский диск, единый континент со сверкающими куполами, изгибами мостов и мерцающими башенками. Раскинув крылья, мир купался в живительной энергии, словно исполинский цветок с зеркальными лепестками. Озаренный багряным светом гаснущей Мирианатир, мир-корабль Алайток жадно поглощал каждый фотон, всякое дуновение звездного ветра, тысячелетиями подпитывающего нескончаемый круговорот жизни на искусственном мире.

Вопреки погибающей в муках звезде, космос вокруг Алайтока был полон жизни. Повсюду кружили корабли, ловя солнечный ветер, чтобы пополнить собственные запасы энергии. Через портал Паутины, находящийся позади мира-корабля, было видно, как рябит и пульсирует пространство по ту сторону материальной вселенной. В обоих направлениях сквозь врата сновали торговые суда с длинными, как флейты, корпусами. Меж них лавировали изящные, выкрашенные в темно-синий цвет под стать ночному небу истребители с полными боекомплектами. Изящные прогулочные яхты скользили между потоками кораблей. Презрев суету, чинно проплывали своей дорогой величественные линкоры.

На мгновение портал озарился золотым свечением, и там, где только что была пустота, появился «Лаконтиран». Словно птица, торговая шхуна вернулась из долгого путешествия к звездам Бескрайней Долины. Легким движением солнечных парусов корабль развернулся у освещенного звездой края искусственного мира и лег на курс к башне Нескончаемого гостеприимства.

Башня возвышалась над портом на пять километров. Ее окружал голубой ореол, оттеснявший голодную пустоту открытого космоса. Словно рог единорога, шпиль пронзал окружающую тьму. Сотни изящных статуй украшали порталы и винтовые лестницы по всей башне. Эльдар различных Путей: поэты,

инженеры, автархи, садовники, ясновидцы, аспектные воины, стилисты и картографы – пришли поприветствовать вернувшийся из дальнего плавания корабль. Одни облачились в пышные парадные убранства, другие – в блестящие обтягивающие комбинезоны, третьи – в легкие струящиеся туники всех цветов радуги. Тут и там развивались алые и желтые шарфы, удлиненные гребни шлемов возвышались над замысловатыми прическами. В приглушенном свете искрились всевозможные драгоценные камни, сверкали серебряные, золотые и платиновые обручи, кольца и ожерелья.

Эльдар обнимали старых друзей, знакомились, обменивались любезностями, перемещались с места на место, не посягая при этом на личное пространство друг друга. Хор их голосов отличался от обычного шума толпы, как искусно сыгранная симфония от детского лепета. Они говорили друг с другом, друг о друге и друг для друга певучими, хорошо поставленными голосами. Каждый жест был точен и элегантен. Некоторые и вовсе молчали, выражая мысли языком тела: слегка приподнятая бровь, полуулыбка, подрагивание пальца передавали волнение, возбуждение, радость или нетерпение.

В самом центре пестрого действия стоял Корландрил. Изящную фигуру скрывала наброшенная мантия из золотистого шелка. Запястья и шею украшали мономолекулярные браслеты всевозможных цветов, отсвечивающих на лицо и руки маленькие радуги. Длинные черные волосы были заплетены в замысловатую косу, ниспадающую на левое плечо. Сверху прическу держал голографический обруч, сиявший прекрасными драгоценными камнями: то сапфирами, то бриллиантами, то изумрудами. Корландрил потратил немало времени на свое убранство, приводя его в соответствие с эстетическими канонами Арестейны, а затем долго изучал свое отражение в зеркальном поле, помня о том, что его спутница неравнодушна к работам этой древней художницы.

Наряд девушки, Тирианны, был намного проще: длинное белое платье без рукавов со сборками от колен обнажало руки, украшенные выписанным хной витиеватым орнаментом. Полупрозрачный шарф, наброшенный на плечи, покрывал красноватыми и белыми узорами ее декольте. В окрашенных в тон платья волосах выделялись две голубые прядки, обрамлявшие худое лицо и подчеркивавшие синеву ее глаз. Путеводный камень девушки, темно-синий, обрамленный истинным серебром, свисал на цепочке из того же металла.

В то время как всеобщие взгляды были прикованы к грациозно причаливающему кораблю, Корландрил смотрел лишь на Тирианну. Он не видел ее целых пятнадцать циклов, что ровно на пятнадцать циклов больше, чем ему хотелось бы. Все это время он был лишен ее красоты, воодушевления, волнующей сердце улыбки. Корландрил лелеял надежду, что она оценит усилия, которые он потратил на свой внешний вид, но девушка пока никак не прокомментировала результат его стараний.

Тирианна не спускала чуть влажного взгляда с приближающегося корабля. Корландрил заметил, что она дрожит от волнения. Хотел бы он знать, чем оно вызвано: передалось ли ей общее настроение толпы или же дело было в чем-то более глубоком и личном. Возможно, девушка радовалась возвращению Арандриана чуть сильнее, чем Корландрилу хотелось бы. Эта мысль пробудила в его груди ощущение, словно спящая змея начала распрямлять кольца. Понимая, что ревность не обоснована: ведь Тирианна ему не принадлежала, он все же не смог до конца заглушить зародившееся неприятное чувство.

Корландрил почувствовал, как сквозь мантию грудь обжигает обрамленный золотом овальный опал – его путевой камень. словно аварийный сигнал на экране дисплея, камень предупреждал хозяина: ревность не только неуместна, но и опасна. Усилием воли Корландрил заставил улечься разыгравшиеся чувства. Он запер их в глубине сознания, чтобы разобраться с ними в более подходящее время.

Мысли об Арадриане вернули его к действительности: он пришел к башне встречать из путешествия

старого друга. Если б Тирианна хотела быть с Арадрианом, она еще тогда уехала бы с ним. Корландрил прогнал прочь свои страхи и почувствовал, что не меньше Тирианны рад возвращению товарища. Змея в груди опустила голову и задремала в ожидании своего часа.

В корпусе Лаконтирана открылась дюжина шлюзов, и по пристани разлилась волна искрящегося света и сладких ароматов. Команда и пассажиры, образовавшие извилистую очередь, проходили сквозь высокие арки. Тирианна вытянулась во весь рост, без малейшего усилия балансируя на цыпочках, чтобы видеть поверх голов стоящих впереди эльдар.

Зоркий взгляд Корландрила заметил Арадриана первым. Он обрадовался маленькой победе, хоть они с Тирианной и не соревновались.

- Вот и он! Наш странник вернулся, словно златоарфый Антемион, - воскликнул Корландрил, показывая на проход слева. Его пальцы чуть дольше положенного задержались на руке Тирианны, когда он коснулся ее, чтобы привлечь внимание.

Арадриан сильно изменился. Корландрил узнал его лишь по острым скулам и тонким губам. Волосы с левой стороны были по-варварски коротко острижены, почти под ноль, а справа свисали свободными волнами - ни укладки, ни заколок. Веки Арадриан подвел темными тенями, отчего лицо его стало похожим на череп с ввалившимися глазницами. Облачился новоприбывший в одежду черных и темно-синих цветов, подвязанную серыми лентами. Ярko-желтый путевой камень, прикрепленный как брошь, частично скрывался в складках мантии. Взгляд Арадриана упал сперва на Корландрила, а затем на Тирианну, и просветлел. Помахав друзьям рукой, он направился к ним, обходя собравшихся на пристани эльдар.

- Счастливое возвращение! - воскликнул Корландрил, раскрывая другу объятия с протянутыми ладонями, - и радостное воссоединение.

Тирианна также произнесла слова приветствия и провела тыльной стороной ладони по щеке Арадриана, прежде чем положить руку ему на плечо. Арадриан в ответ коснулся ладонью ее лица, вызвав досадную вспышку ревности у Корландрила, который изо всех сил старался не выдать себя. Змея внутри заинтересованно приоткрыла один глаз, но эльдар заставил ее затихнуть. Через мгновение Арадриан отступил от Тирианны, накрыв ладонями руки Корландрила. Лицо новоприбывшего скривилось в неискренней улыбке.

- Рад видеть вас, благодарю, что пришли встретить меня, - сказал Арадриан.

Корландрил вглядывался в лицо друга, надеясь увидеть знакомое лукавое выражение, чертиков в глазах, не сходящую с губ самодовольную ухмылку, но не нашел ничего. Арадриан излучал торжественность и искренность, даже теплоту, но Корландрил ощутил некоторую отстраненность. Лицо Арадриана лишь чуточку сильнее было повернуто в сторону Тирианны, он едва заметно склонялся к ней, а не в Корландрилу.

Даже среди пронизательных эльдар едва ли кто-то обратил бы внимание на подобную мелочь, но Корландрил, избравший Путь создателя, обладал более чутким восприятием и чувствительностью к деталям почти на микроскопическом уровне. Он подмечал все, запоминал каждый нюанс, всякую грань, и благодаря полученным знаниям понимал, что все действия, намеренные или нет, несут свой смысл. Не бывает невинной улыбки или ничего не значащего подмигивания. Каждый жест выдает мотив. Едва ощутимая отстраненность Арадриана заставила Корландрила задуматься о ее причинах. Он держал друга за руки чуть дольше, чем было необходимо, в надежде, что физический контакт растопит холодок.

Если это и помогло, Арадриан не подал вида. Он сдержанно улыбнулся, отнял руки и сложил их за спиной, лишь вопросительно приподняв брови.

- Я необычайно рад вас видеть, мои дорогие друзья. Расскажите же, что я пропустил?

Они шли втроем по аллее Грёз, серебристому проходу под сенью тысяч хрустальных арок, ведущему к центру Алайтока. Тусклый свет Мирианатир, падавший на сводчатую крышу, собирали и рассеивали замысловато ограненные кристаллы, озаряя путь идущим внизу пешеходам теплым оранжево-розовым светом.

Корландрил предложил отвезти друга в его апартаменты, но тот отказался, предпочтя смаковать радость возвращения среди скопления прогуливающих эльдар. Из того немногого, что поведал о своем путешествии Арадриан, он догадался, что на борту «Лаконтирана» его друг проводил большую часть времени в одиночестве. Корландрил с легкой завистью смотрел на проносящиеся мимо антигравитационные судна, развозящие пассажиров по делам. В молодости он ужаснулся бы своей теперешней лености, но нынешний Корландрил-скульптор не любил отвлекаться на приземленные материи и физический труд. Над бесплотными рефлексиями возобладало желание охватить все окружающее, впитать впечатления за пределами своего тела и разума. То была мысль настоящего художника, возвысившаяся над бытом, подпитываемая представившимися возможностями для наблюдения и воображения.

Именно жажда ощущений заставила Корландрила вести разговор. Он подолгу рассказывал о своих работах, о гостях, посетивших Алайток за время отсутствия Арадриана. Друг же отвечал коротко и сухо, избегая витиеватых фраз, лишив Корландрила удовольствия черпать из его рассказа творческое вдохновение.

Когда же говорила Тирианна, Корландрил заметил, что Арадриан становился красноречивее. Похоже, другу было приятнее говорить о ней.

- Я вижу, что ты больше не пребываешь под сенью Кхаина, - сказал Арадриан, глядя на Тирианну с одобрением.

- Верно, Путь война окончен для меня, - ответила она задумчиво, не отрывая глаз от Арадриана, - аспект Зловещего Мстителя сполна утолил мою злобу так, что хватит и на сотню жизней. Теперь я пишу стихи, вдохновляясь поэтической школой Уриатиллина. Я нахожу в ней трудности, стимулирующие в равной степени мой разум и чувства.

- Хотелось бы познакомиться с Тирианной-поэтессой. Возможно, о тебе расскажут твои произведения, - ответил Арадриан, - я с превеликим удовольствием послушал бы, как ты декламируешь.

- И я тоже, - сказал Корландрил, - но Тирианна отказывается посвящать меня в свои работы, хотя я не раз предлагал ей совместное творчество, объединившее бы ее стихи и мои скульптуры.

- Моя поэзия лишь для меня одной, - тихо ответила Тирианна, - она не предназначена ни для декламации на публике, ни для посторонних глаз, - она бросила усталый взгляд на Корландрила. - Некоторые создают произведения, чтобы заявить о себе миру, мои же стихи - это мои секреты, их понимаю лишь я одна, в них только мои страхи и мои мечты.

Пристыженный Корландрил притих, но молчание получилось неловким, и эльдар наконец решился задать вопрос, мучивший его с того момента, как он узнал о возвращении Арадриана.

- Так ты вернулся на Алайток навсегда? - спросил он, - со странствиями покончено, или ты вскоре вновь взойдешь на борт «Лаконтиран»?

- Не успел я вернуться, как ты гонишь меня прочь? - ответил Арадриан.

Корландрил открыл было рот, чтобы возразить, но произнесенные слова замерли, когда он заметил проскользнувшую в словах друга усмешку. Арадриан стал на мгновение похож на себя прежнего. Корландрил улыбнулся и поклонился, показывая, что понял шутку.

- Пока не знаю, - продолжил Арадриан задумчиво, - я уже постиг искусство штурмана. Волнения, бороздившие мой разум, улеглись. Ничто не сравнится с тем чувством, когда ты ведешь корабль сквозь бушующие волны туманностей или по извивающимся путям Паутины на пределе собранности. Я узрел множество прекрасных, чудеснейших видов среди звезд, но в то же время я предвкушаю лицезреть несоизмеримо больше, прикоснуться, услышать, испытать... Возможно, я вернусь на звездолет, а может, и нет. Конечно, сначала мне хотелось бы побыть с семьей и друзьями здесь, на Алайтоке, прежде чем решу, отправлюсь ли я вновь в странствия или буду доволен и счастлив и тут.

Тирианна кивнула, явно одобряя ход его мыслей, и даже Корландрил, сам порой поддававшийся внезапным порывам, согласился, что подобные решения следует хорошенько взвешивать.

- Твое возвращение как нельзя кстати, Арадриан, - сказал он, заполняя паузу в разговоре, - моя последняя скульптура близка к завершению. Всего через несколько циклов состоится церемония открытия. Я рад пригласить вас обоих, если вы окажете мне честь своим присутствием.

- А я бы пришла, даже если б ты меня не пригласил! - засмеялась Тирианна, и ее энтузиазм передался Корландрилу. - Я частенько слышу, как о тебе говорят с восхищением. От тебя ждут настоящего шедевра. Разве тот, кто претендует хоть на каплю хорошего вкуса, позволит себе пропустить такое событие?

Арадриан медлил с ответом, и Корландрил безуспешно пытался прочесть мысли друга по его лицу, но оно казалось безучастной маской.

- Да, я тоже с радостью приду, - наконец сказал Арадриан, оживившись, - боюсь, мой художественный вкус за время полета сильно отстал от вашего, но мне не терпится увидеть, что же изваял Корландрил-скульптор в мое отсутствие.

Глава 2. Творение

На заре истории Азуриан вдохнул жизнь в Эльданеша и его соратников, но лишь в них одних - вокруг же все оставалось пустынным: ни деревьев, ни трав, ни рыб, ни птиц, ни животных. Эльданешу было одиноко в бесплодном мире, и пустота вокруг отзывалась щемящей болью в его груди. Видя, как ее любимец тоскует, Иша страдала вместе с ним. Ее слезы пролились на новый мир, и там, где они упали, возникла жизнь. Так из горя родилась радость, наполнившая мир эльдар чудесными существами. Эльданеш больше не был одинок и возблагодарил Ишу за любовь.

Корландрил едва сдержался, чтобы не зарычать от обиды. В капельке крови, выступившей из пальца, скульптор увидел отражение собственного рассерженного лица. Вытерев руку, он обратил свой гнев на крошечную заусеницу на поверхности призрачного камня. Кончик ее был алым.

Заусеница смотрела на Корландрила, оскорбляя его самым своим существованием. На нежном изгибе

руки статуи изъян разрушал всю достигнутую гармонию живого и недвижимого. Откуда заусеница могла взяться, Корландрил понятия не имел.

Последние два цикла все шло из рук вон плохо. Стоило Корландрилу коснуться призрачного камня, чтобы придать тому форму, которую он так ясно себе представлял, как материал отказывался подчиняться его желаниям. За весь последний цикл он справился лишь с тремя пальцами статуи. Такими темпами ему ни за что не успеть к назначенной всего через два цикла церемонии открытия.

Светлый желтовато-коричневый камень словно дремал без ласки скульптора. Корландрил считал материал почти живым. Тот бунтовал и отказывался принимать задуманные мастером формы. Там, где был нужен гладкий изгиб, он обрывался острым углом. Стоило лишь на мгновение отвлечься, неизвестно откуда появлялись мельчайшие заусеницы и шипы.

Конечно, Корландрил понимал, что камень не виноват. Не обладая ни душой, ни разумом, он лишь отражал то, что своими прикосновениями вкладывал в него скульптор. Эльдар чувствовал, как, казалось бы, неподвижный камень сопротивляется, но в глубине души он понимал, что лишь проецирует собственную растерянность на неодушевленный предмет.

В смятении, полностью утратив концентрацию, Корландрил отступил от незавершенной статуи и отвернулся, стыдясь неудачи. Мерцающее голографическое поле, созданное, дабы укрыть от любопытных глаз еще незавершенное творение, радужным кольцом отражалось в глазах мастера. Некоторое время он в растерянности созерцал лесной купол за пределами голограммы, черпая вдохновение из представшего перед ним вида, причудливо искаженного завесой.

- Я едва решаюсь спросить...

Голос из-за спины заставил Корландрила обернуться. Его наставник, Абрахасил, внимательно изучал статую.

- Нет нужды спрашивать, - ответил Корландрил. - Сам не знаю почему, но меня беспокоит возвращение Арадриана, хоть я и рад, что старый друг снова с нами.

- Каким же образом раздумья об Арадриане влияют на твою работу?

- Никаким. Я начал эту статую задолго до того, как услышал о его возвращении.

- И все же с тех пор, как ты узнал эту новость, твоя работа почти не продвинулась, - сказал Абрахасил. - Эффект очевиден, хоть причина пока и неясна. Возможно, я мог бы помочь тебе разобраться?

Корландрил сначала безразлично пожал плечами, но передумал, услышав разочарованный вздох Абрахасила.

- Конечно, я буду рад получить от тебя любые наставления, - ответил Корландрил, заставляя себя взглянуть на статую. - Я вижу ее всю очень четко, каждую линию, каждый изгиб, как ты и учил меня. Я позволяю гармонии мироздания воцариться в моей душе, как ты подсказывал. Я направляю к ней все свои помыслы, как ты советовал. Я делаю все как прежде, но призрачный камень будто взбунтовался и отказывается подчиняться моим требованиям.

Выслушав последнюю фразу, Абрахасил поднял тонкий указательный палец.

- Требованиям, Корландрил? Камень формируется желанием, но не требованием. Требование - это агрессия, повеление, тогда как желание - подчинение. Мысль формирует действие, которое, в свою

очередь, формирует камень. Почему же твоё желание переросло в требование?

Корландрил не ответил сразу, пораженный, что сам не почувствовал разницы между двумя этими понятиями, какой бы тонкой она ни была. Затем он повторил вопрос про себя, покопался в своих мыслях и наконец смог определить поворотный момент, когда желание превратилось в требование.

- Я хочу впечатлить других своим творением. Я боюсь не оправдать их ожидания, - в конечном счёте произнес он, довольный, что смог найти ответ.

- В этом нет ничего плохого, - ответил Абрахасил. Его полуулыбка пронзила пузырь самодовольства скульптора. - Разве не были все твои работы экспрессивны, не отражали твой внутренний мир? Нет, дело не в этом. Подумай, постарайся вспомнить что-то более конкретное, относящееся к Арадриану.

Корландрил погрузился в свои воспоминания и эмоции, упорядочивая мысли точно так же, как привык обрабатывать камень, придавая ему изящную гладкую форму. Вдруг он нашел то, что искал, увидел переломный момент и даже слегка приоткрыл рот от удивления.

Некоторое время Корландрил колебался, не желая делиться своим открытием. Абрахасил терпеливо ждал, глядя не на ученика, а на статую. Корландрил знал, что стоит попросить наставника оставить его, тот беспрекословно уйдет, но пока же учитель дожидался ответа. Абрахасилу не нужно было напоминать Корландрилу, что тот мог полностью доверять ему, ведь связь между наставником и учеником неразрывна. Дабы понять и обуздать свои порывы и страхи, Корландрил должен выразить их в творчестве. Все, что он расскажет Абрахасилу останется тайной. Наставнику даже не надо было напоминать об этом, его безмолвное и терпеливое ожидание говорило само за себя.

- Я хочу произвести впечатление на Тирианну из-за соперничества с Арадрианом, - в конце концов признался Корландрил, с облегчением сбрасывая это бремя. Он никогда и никому не рассказывал о своих чувствах к Тирианне, даже Абрахасилу, но подозревал, что наставник и так всё знает, хоть и не подавал виду. Кроме того, Абрахасил часто видел их вместе на различных мероприятиях, и Корландрил понимал, что его увлечение не останется незамеченным для опытного взгляда учителя. - Я боюсь. И еще злюсь на себя за то, что боюсь. Ведь Арадриан мой друг, не соперник.

Абрахасил повернулся к нему и улыбнулся. Корландрил почувствовал, что связь между ними лишь крепнет. Словно он наконец переступил порог, за который долгое время не решался шагнуть.

- Это хорошо, - ответил наставник, - а как ты собираешься бороться со страхом и злостью?

На этот раз улыбнулся Корландрил.

- Это как раз просто, - ответил он, - я создаю эту статую не для Тирианны, а для себя. Моя следующая работа... будет для нее. Мысли о Тирианне отвлекают меня от создания этой статуи, но они же послужат вдохновением для появления следующей, а пока пусть подождут.

Абрахасил в знак одобрения положил руку на плечо Корландрила, и ученик посмотрел на него с благодарностью. Больше ничего не говоря, наставник вышел из-за завесы. Вскоре его искаженный голографическим полем силуэт растворился среди деревьев.

Ощувив прилив свежих сил, Корландрил приблизился к скульптуре. Положив ладонь на поднятую руку статуи, он нежно провел кончиками пальцев по выступающим мышцам и суставам, воссоздавая в мыслях образ законченного произведения. Под его прикосновением досадная заусеница скрылась в толще камня и больше не выступала.

Под куполом Полуночных лесов царила атмосфера взволнованного предвкушения. Множество эльдар собралось на голубых лугах, меж серебристых стволов лиандеринов, чтобы присутствовать на церемонии открытия новой работы Корландрила. Сквозь прозрачное силовое поле, защищавшее ухоженные сады, на мир-корабль спускались багровые сумерки. Легкий искусственный ветерок подхватывал мелодичный смех и звон бокалов, шуршал листвой в нефритовых кронах, шелестел травами, сопровождал негромким разговорам гостей.

На церемонию пришли около трехсот эльдар, наряженных по случаю в наиболее модные туалеты. Корландрил был в центре толпы, раздавал комплименты гостям, отмечая особенно прелестную брошь или удачный покрой мантии. Сам он ради такого грандиозного момента облачился в элегантный, но сдержанный наряд – в простую синюю мантию с серебряными застежками от горла до талии, дабы не затмевать собственное творение. Волосы он зачесал назад, прихватив прическу серебряным обручем с одним-единственным синим камнем на лбу. Он старался не заводить долгих разговоров, избегая вопросов, касающихся его новой работы, пока не настало время явить ее миру.

Корландрил переходил от гостя к гостю, ощущая, как нарастает приятное волнение. Его путевой камень откликался на каждый удар сердца, словно в груди звучало два пульса. Он впитывал возбуждение гостей и сам подогревал его. Ему льстило всеобщее внимание, словно бальзам на душу после всех тревог, которые он пережил, завершая работу над статуей.

Обмениваясь любезностями с гостями, Корландрил искал взглядом Тирианну и обнаружил ее в компании трех других эльдар в лиандериновой роще, неподалеку от скрывавшего его скульптуру голографического занавеса.

На мгновение он позволил себе залюбоваться ее красотой. Она была в радующем глаз, облегающем красно-черном костюме. Плавные изгибы рук и ног Тирианны словно повторяли гибкие ветви деревьев над ее головой. Непринужденная поза при идеальной осанке лишь подчеркивала естественность и элегантность девушки. Копна окрашенных в золотой цвет волос ниспадала на спину бесчисленными завитками, переплетенными красными лентами до самой талии.

Но вот Тирианна шагнула в сторону, и Корландрил увидел Арандриана, натянуто улыбающегося, словно чувствовавшего себя не в своей тарелке. В груди у Корландрила вновь, словно змея, шевельнулась ревность. Это чувство ему не понравилось, ведь он полагал, что смог победить сомнения, но на границе восприятия страх остался. Когда же Корландрил увидел Тирианну вместе с Арандрианом, ужас обуял его. В голове замелькали разные мысли, пульс ускорился.

Корландрил старался не смотреть на него и направился к группе через луг, надеясь, что безмятежность природы под лесным куполом поможет успокоить разыгравшуюся бурю чувств. Лиандерины только зацветали. Словно золотистые звездочки, меж темной зелени крон набухали бутоны. Пахло травой, свежей и чистой. Когда Корландрил присоединился к компании, он вновь излучал спокойствие и искреннюю радость от встречи с друзьями.

Аранриан протянул ему руку, и Корландрил накрыл его ладонь своей в ответ. Точно так же поприветствовала его Тирианна. Прикосновение ее прохладной руки обнадежило скульптора. Отнимая руку, Корландрил позволил себе лишний раз коснуться ее пальцев и смотреть в глаза девушки на миг дольше обычного.

- Мы все горим от нетерпения, - произнес один из эльдар, скульптор по имени Идраэтир, облаченный в пурпурную тунику на одно плечо, едва прикрывавшую бедра и обнажавшую осветленную добела кожу.

Идраэтир был последователем школы Хитинаир, по канонам которой мастер считался частью скульптуры. Корландрил был поверхностно знаком с этим эстетическим направлением и даже недолгое время пытался ему следовать, однако весьма быстро счел себя заурядным субъектом искусства и предпочел самовыражение через скульптуры без непосредственного участия в экспозиции. Корландрил попытался было расслышать иронию во фразе коллеги, но все же решил, что Идраэтир говорит искренне.

- Смею лишь надеяться, что не обману ваших ожиданий, - ответил Корландрил с благодарным поклоном и обернулся, чтобы поздороваться с четвертым из эльдар - знаменитым резчиком кости по имени Кирандрин. - Я благодарен за тот интерес, что все вы проявили к моей работе.

- Я внимательно следил за твоим творчеством с тех самых пор, как увидел одну из ранних работ, - ответил Кирандрин, - кажется, это было «Благословение Азурмена» - статуя в натуральную величину, выставленная в атриуме башни Вечерних мелодий.

- Это моя вторая работа, - произнес Корландрил с блаженной улыбкой, - я польщен, что Абрахасил счел пригодными для показа на публике мои работы периода самого начала Пути. Я очень люблю эту скульптуру, хотя мое мастерство с тех пор продвинулось настолько, что кажется, будто те простые формы созданы кем-то другим, а не мной!

- Разве не в этом и состоит суть Пути? - ответил Идраэтир, - мы растем и развиваемся, превосходим прошлое, создаем что-то более новое и совершенное?

- Воистину так! - ответил Корландрил, - мы воспитываем тело и дух, развиваем мастерство и разум. Чего же еще можно пожелать?

- Но разве при этом мы не теряем себя прежних? - в голосе Арадриана проскользнуло вежливое несогласие, - мы вечно движемся по избранному Пути, но никогда не останавливаемся, чтобы насладиться открывшимся видом. Мне кажется, порой мы слишком торопимся отказаться от того, что делает нас такими, какие мы есть.

Фраза Арадриана была встречена молчанием. Он смущенно посмотрел на остальных эльдар.

- Простите, если я сказал что-то неуместное, - тихо произнес Арадриан, - у меня и в мыслях не было оспаривать ваше мнение, я лишь озвучил свое. Мои манеры, должно быть, огрубели за время путешествия вдали от Алайтока и высшего общества.

- Вовсе нет, - мягко ответил Кирандрин, по-дружески положив руку на плечо Арадриана, - просто такие вопросы... редки.

- И ответы на них слишком пространны, чтобы обсуждать их сейчас, - тихо добавил Корландрил, - мы продолжим этот разговор позднее. Сейчас я должен явить вам свое творение.

- Разумеется, - ответил Кирандрин.

Арадриан слегка склонил голову и опустил веки в знак извинения.

Корландрил улыбнулся в ответ и поспешил шагнуть за голографическую завесу. Сокрытый от посторонних глаз, он облегченно выдохнул, сбрасывая неожиданно сковавшее его напряжение. Что-то в словах Арадриана вывело его из себя. Он вновь ощутил едва уловимую отчужденность, как и при первой встрече с Арадрианом, когда тот вернулся после долгого путешествия, едва уловимое желание оказаться

сейчас где-нибудь в другом месте. За голографической завесой путеводный камень Корландрила снова потеплел, отражая внутреннюю уверенность, вытеснившую гнев и смущение.

Неожиданно Корландрил понял, что совсем ничего не сказал Тирианне. Он укорил себя за то, что практически проигнорировал ее. Некоторое время эльдар даже раздумывал о том, что стоит извиниться за подобную грубость, но передумал. Возможно, Тирианна и вовсе не заметила его оплошность, тогда не стоит акцентировать на этом внимание. Даже если она что-то и заметила, то, конечно, поймет, что он просто не мог обделить вниманием остальных гостей. Корландрил решил, что обязательно отыщет ее после церемонии открытия и уж тогда пообщается с ней как можно дольше.

При мысли о Тирианне у Корландрила голова шла кругом, сердце стучало, все тело горело. Однако приятные образы разбивались о волнение перед открытием, смешанное с беспокойством по поводу Арадриана и неприятным предчувствием, которое снедало его с момента завершения статуи.

Корландрил прочел несколько успокоительных мантр. Приведя мысли в порядок и отложив до поры тягостные раздумья, он вновь постарался ощутить уверенность в себе, укротить эмоции и победить сомнения. Некоторое время эльдар стоял так, отдыхая и приходя в себя, пока не почувствовал, что готов произнести вступительную речь.

Когда водоворот мыслей в голове, превратившись в безмятежное озеро, улегся, Корландрил выступил из-за голографической завесы и обнаружил, что гости уже собрались на лужайке перед статуей. Большинство из них были ему знакомы, но некоторых он видел впервые. Казалось, всем не терпелось увидеть, что же создал Корландрил.

- Для меня огромная честь приветствовать всех вас на церемонии открытия моей новой работы, - начал Корландрил поставленным голосом, достаточно громким, чтобы его слова были слышны даже тем, кто стоял позади. - Многим из вас известно, что я черпаю вдохновение из времен до Войны в небесах. Я смотрю на текущий золотой век без сожаления о потерянном рае и без грусти об ушедшей эпохе. Но на заре нашей цивилизации я вижу мир, Вселенную, которую мы и пытаемся воссоздать. наших богов больше нет, но мы можем продолжить их деяния, воплотить желание восстановить мир в небесах, - мир, который мы заслужили. Наша культура не утеряна, пока мы поем, рисуем и ваяем, черпая вдохновение из мифов о былых временах. Мы верим в то, что легенда может стать явью, ведь грань между мифом и реальностью расплывчата. Поэтому я беру миф и ваяю из него реальность.

Корландрил продолжал пламенную речь, приводя цитаты, повествуя о своих мечтах, размышляя о философских и эстетических учениях, которые подвигли его на создание этой статуи. Он говорил красноречиво и страстно, озвучивая мысли, пришедшие к нему в процессе работы, рассуждая о сложности воплощения живой плоти в камне, противопоставлении прямых линий и изгибов, о контрасте между живым и недвижимым.

Во время речи Корландрил изучал зрителей, оценивая их реакцию. Большинство было очаровано его красноречием и не отрывало глаз от скульптора, жадно впитывая каждое слово, но некоторые внимательно слушали лишь из вежливости. Арадриан принадлежал к последним, и, глядя на него, Корландрил почувствовал минутную слабость, но не сбилсся. Энтузиазм помог победить волнение. А затем эльдар увидел Тирианну в самом первом ряду, в радостном предвкушении смотрящую то на скрывавший статую голографический занавес, то на Арадрина.

Закончив речь, Корландрил выдержал театральную паузу, наслаждаясь нетерпением, которое ему удалось разжечь в зрителях. Он подошел к маленькому круглому столику на спиральной ножке и взял с

него единственный хрустальный бокал красного вина. Скульптор отпил, наслаждаясь не только пряным вкусом напитка и его сладким ароматом, но и торжественным молчанием зрителей, воцарившимся во время его речи.

Вернув бокал на столик, Корландир достал из-за пояса тонкую кристаллическую пластинку и провел пальцем по руне на серебристой поверхности. Голографический занавес исчез, явив статую во всей красе.

- Представляю вам «Дары любящей Иши», - с улыбкой объявил автор.

Послышалось несколько восхищенных вздохов, утонувших в спонтанных аплодисментах. Корландрин обернулся, наконец получив возможность осмотреть свое творение.

Скульптуру окутывала золотистая аура с отблесками багряного и пурпурного света умирающей звезды. Иша предстала в абстрактно-импрессионистической манере: тело ее словно вытекало из ствола лиандеринового дерева, волнистые локоны переплетались с листвой. Лицо скрывали волосы и ветви. Из сокрытых в тени глаз струились серебристые слезы, ниспадающие в чашу, подставленную древним воином Эльданешем. Свет, льющийся из чаши, давал многочисленные отблески на его белоснежной коже. Роль брони играло стилизованное, геометрически правильное сплетение листьев. Лицо было почти плоским, за исключением тонкого носа и едва заметных углублений в глазницах. У его ног росла черная роза, извивающаяся по бедрам Иши и соединявшая обе фигуры в объятиях шипастого стебля.

Захватывающее дух зрелище, по крайней мере, по мнению Корландрила.

Большинство присутствующих подались вперед, чтобы поближе рассмотреть творение, а Кирандрин и еще несколько эльдар окружили автора, расточая похвалу и комплименты. Среди них был и Абрахасил, которого скульптор не заметил среди зрителей во время речи. Наставник и ученик сердечно обнялись.

- Ты взрастил удивительный талант, - сказал Кирандрин, - это работа настоящего мастера, она делает честь всему куполу.

- Наставлять такого скульптора - честь для меня, - ответил Абрахасил, - я чрезвычайно горжусь Корландрилом.

От таких слов учителя счастливый Корландрил залился румянцем, свет в путеводном камне запульсировал. Эльдар принял похвалу коллег с изящным поклоном.

- Если я и научился создавать чудеса, это лишь благодаря тем, кто открыл мне глаза и заставил их видеть, - ответил он, - а теперь прошу меня извинить, другие гости требуют моего внимания. У нас еще будет время обсудить мою работу.

С улыбкой распрощавшись с собеседниками, Корландрил отправился искать Арадриана и Тирианну. Они стояли бок о бок в группе эльдар, любующихся статуей вблизи. Великолепная Иша возвышалась прямо над ними.

- Она - сама безмятежность, - как раз говорила Тирианна, - воплощение красоты и спокойствия.

Арадриан чуть мотнул головой в знак несогласия, и Корландрил остановился, решив послушать их разговор со стороны.

- Она лишь отражает автора, - объяснил Арадриан. От этих слов змея в груди Корландрила обвилась вокруг сердца и сдавила его. - Безусловно, работа выполнена мастерски и безупречно, и все же я нахожу

ее немного... пресной. Она ничего не добавляет к моему представлению о мифе, просто воссоздает его в камне. Она лишь метафора. Красивая, но отражающая только личность автора, и ничего более.

- Но разве не в этом и состоит цель искусства: воплощать задумку автора, его мысли, воспоминания, эмоции в форме произведения?

- Возможно, я несправедлив, - ответил Арадриан, - там, меж звезд, я видел такие шедевры мироздания, что теперь работы смертных мастеров мне кажутся ничтожными, даже если они воссоздают величайшие моменты прошлого, такие как этот.

- Пресная? - выпалил Корландрид, выходя вперед, - отражает лишь автора?

Тирианна с ужасом смотрела на Корландрила, но Арадриан, похоже, не смутился.

- Я не хотел никого обидеть, Корландрил, - ответил он, поднимая руку в знак примирения, - это лишь мнение весьма необразованного путешественника. Возможно, ты сочтешь мою сентиментальность грубой и неотесанной.

Подобное откровение и самоуничижение слегка остудили гнев Корландрила. Он уже готов был простить Арадриана, но змея сжала кольца, и от смирения не осталось и следа.

- Ты прав: твое мнение некомпетентно, - ответил Корландрил, отравляя каждое слово змеиным ядом, - пока ты, наивный, смотрел на звезды и туманности, я изучал работы Аэтирила и Ильдринтарира, постигал искусство выделки призрачного камня, сочетания живого и недвижимого. Если тебе не хватает ума разглядеть истинный смысл творения, которое я сегодня представил, тогда стоит аккуратнее выбирать слова.

- Если тебе не хватает мастерства, чтобы раскрыть смысл своего произведения, то, возможно, тебе стоит продолжить обучение! - выпалил в ответ Арадриан. - Искусство следует постигать не по стопам великих мастеров, а лишь глядя на звезды и следуя зову сердца. Да, твоя техника безупречна, но творение лишено глубокого смысла. Сколько статуй Иши воздвигнуто по всему Алайтоку? Десяток? Или больше? А на других мирах-кораблях? Ты ничему не научился на своем Пути, разве что самодовольству. Ты не узнал ничего нового о себе, о внутренней борьбе света и тьмы. В твоей работе лишь разум, но не чувства. Возможно, тебе стоит немного расширить кругозор.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Улетай отсюда, с Алайтока, - терпеливо ответил Арадриан. От вспышки гнева и след простыл. Теперь он был искренним и по-дружески протягивал Корландрилу руку. - Зачем ограничивать свое искусство, черпая вдохновение среди куполов и залов, которые ты видишь с детства? Может, вместо того, чтобы пытаться смотреть на старое свежим взглядом, стоит обратить взор на неизведанное?

Корландрил хотел было поспорить, найти нужные слова, высмеять Арадриана, но змея, сковавшая сердце, добралась и до горла. Он довольствовался гневным взглядом в сторону Арадриана, полностью передающим его презрение и ярость, и бросился прочь по голубой лужайке, на бегу расталкивая гостей.

Глава 3. Судьба

Когда Война в небесах только начиналась, всевидящий Азуриан спросил старую богиню Морай-хег, какая судьба предначертана богам. Чтобы узнать это, старухе пришлось распутывать клубок грядущего. Долго вытягивала она из него одну за другой нити, ведущие к концу Вселенной, но так и не

нашла ответа для владыки владык. Все нити вели воронью богиню к месту, где полыхало пламя и царила смерть, но будущее так и оставалось туманным. Дабы найти ответ, старуха последовала за убийцей Кхаином, несущим войну и богам, и смертным, и взяла у того немного кипящей крови. Вернувшись в свое логово, Морай-хег поставила на одну чашу весов наперсток крови бога войны, а на другую положила нить судьбы Эльданеша. И весы замерли в равновесии. Старуха пришла к Азуриану, когда тот потребовал ответа, и сообщила владыке владык, что судьба богов еще не predetermined: смертный Эльданеш и его соратники решат, жить богам или обрести погибель.

Розовые волны накатывали на белоснежный песок и, уходя, оставляли на линии берега длинные дуги. Корландрил как зачарованный смотрел на прилив, стараясь запечатлеть в памяти каждый отблеск, каждый всплеск, каждую песчинку. Над поверхностью воды, словно желтые стрелы, сновали юркие солнцекрылы, петляя, кружа и чудом не сталкиваясь в полете. Эльдар фиксировал взглядом каждую траекторию, каждый взмах крыла, каждое выпавшее перышко и каждый щелчок голубого клюва.

Корландрила отвлек какой-то звук. Чей-то голос. Позволив сознанию отвлечься от созерцания, он постарался восстановить в памяти, что же тогда было сказано. Скульптор вспомнил, как когда-то на этом самом месте он скрестив ноги сидел на золотистой траве в Садах безмятежных раздумий и слушал друга.

- Я покидаю Алайток, - сообщил тогда Арадриан.

Пораженный услышанным, Корландрил вмиг забыл о море, песке и солнцекрылах, сконцентрировав все внимание на своем друге. Арадриан был от него на расстоянии вытянутой руки. В свободной нефритового цвета мантии он разлегся на траве, закинув руки за голову. Пальцы его босых ног, казалось, жили собственной жизнью, выписывая замысловатые круги в воздухе над водной гладью.

- Ты покидаешь Алайток? - спросил Корландрил. - Зачем?

- Чтобы стать штурманом, - ответил Арадриан не глядя на Корландрила. Взгляд его был устремлен к серебристым башням домов по ту сторону озера и дальше, к чему-то, что мог видеть лишь он один. - Пора двигаться вперед. Меня терзает любопытство, которое не удовлетворить, оставаясь на Алайтоке. Оно словно голод, я не могу наесться досыта тем, что вижу и слышу здесь. Я испробовал немало кулинарных изысков на Алайтоке, но моя тарелка вновь пуста. Я хочу выбраться за пределы куполов и защитных полей. В них мне тесно, словно я скован, а не защищен.

- Когда ты отбываешь? - спросил Корландрил, поднимаясь с песка.

- Скоро, - ответил Арадриан, по-прежнему смотря куда-то вдаль, - «Лаконтиран» отправляется в Бескрайнюю Долину через два цикла.

- «Лаконтиран» пробудет в плавании дольше двадцати периодов, - встревожился Корландрил. - Зачем уезжать так надолго?

- У него свой маршрут вдали от Алайтока, - ответил Арадриан. - Мне нужно побыть одному, чтобы подумать о прошлом и определиться, куда двигаться дальше.

- А как же наша дружба? Я ведь тут пропаду без тебя, - ответил Корландрил, садясь возле друга и с мольбой протягивая ему руку, - ты же знаешь, что без тебя я словно лодка без паруса.

- Кто-нибудь другой будет направлять тебя, - ласково ответил Арадриан. - Мой разум в вечном поиске. Я не самая подходящая кандидатура, чтобы приглядывать за тобой, когда ты заплутаешь в своих снах. Я

больше не смогу сопровождать тебя на Пути сновидца. Я устал жить одним лишь внутренним миром.

Корландрил ничего не ответил, погружившись в раздумья. Когда он путешествовал по снам, блуждая по собственному подсознанию, Арадриан был для него надежным якорем. Его присутствие где-то на границе реальности всегда воодушевляло. Друг стал костром, у которого можно было согреться, когда заплутаешь в холодных и мрачных закоулках собственной души.

- Ты найдешь еще кого-нибудь, кто присмотрит за твоими снами, - видя его растерянность, поспешил заверить Арадриан. Он встал и протянул руку Корландрилу, помогая тому подняться. Теперь он с беспокойством смотрел другу в глаза. - Может быть, Тирианна захочет сопровождать тебя на Пути сновидца.

- Тирианна? Тирианна-воин? - с ужасом спросил Корландрил.

- Я вчера разговаривал с ней, - признался Арадриан. - Она чувствует, что ей пора сменить избранный Путь. Тебе стоит с ней поговорить.

Тихий звон колокольчика заставил Корландрила открыть глаза. Далеко внизу петляла меж холмистых лужаек серебристая дорога. Теплый ветер обдувал лицо. На секунду юноше почудилось, будто он воспарил над поверхностью. Наконец сознание полностью возвратилось к реальности: эльдар стоял у себя на балконе. Снаружи сгущались искусственные сумерки. Облокотившись на извилистые перила, Корландрил смотрел на виноградники, окружавшие башню Звездного величия.

Тело еще некоторое время отказывалось его слушаться. Корландрил часто заморгал, потянулся и почувствовал, как ускоряется пульс и кровь возвращается в занемевшие члены. Все тело затекло. Корландрил попытался понять, сколько времени он провел, путешествуя по миру грез, вернувшись на Путь сновидца. Скульптора мучила жажда, во рту пересохло.

Вспомнив о звоне колокольчика, вырвавшем его из сна, Корландрил повернулся и провел пальцами по серой, похожей на сланец, панели, вмонтированной в стену у арки, ведущей в дом. Прикоснувшись к табличке, он ощутил присутствие Абрахасила. Наставник ожидал у входа в покои скульптора. Корландрил отправил ему короткий психоимпульс с приглашением войти в дом.

Разорвав связь с кругом бесконечности, Корландрил вошел в зону отдыха под сводом арки. Здесь стены были голубовато-белые с бледно-зелеными крапинками и он чувствовал себя словно птенец внутри яйца. Изогнутые кресла с высокими спинками стояли лицом к центру комнаты, а ноги утопали в густом ворсе ковра. Скульптуры, созданные самим Корландрилом и другими авторами, стояли на постаментах вдоль стен. Каждая из них была связана с определенными воспоминаниями: как она создавалась или приобреталась, что за разговоры с ней связаны, какие чувства он испытывал, глядя на нее. Разум эльдар еще не окончательно вышел из полусонного состояния. Каждое всплывшее воспоминание отвлекало, мешало сосредоточиться. Подойдя к еще одному терминалу круга бесконечности, скульптор мысленно включил неяркое голубоватое освещение и поднял температуру в помещении: он почему-то продрог.

- Возможно, тебе станет теплее, если набросишь какую-нибудь одежду, - сказал Абрахасил, вошедший через главное фойе.

Только сейчас Корландрил осознал, что абсолютно гол. Нагота несколько не смущала его, а в настоящем полусознательном состоянии он и вовсе забыл о ней.

- Да, пожалуй, так будет лучше, - кивнул скульптор и указал наставнику на другую арку, ведущую в столовую зону, - пожалуйста, угощайся чем пожелаешь, я скоро подойду.

Корландрил прошел в гардеробную зону, все еще находясь в слегка вялом состоянии после долгого сна. Он в рассеянности коснулся рукой настенной панели. Дверь скользнула в сторону, явив богатый гардероб: от блестящих облегающих комбинезонов до пышных блуз и платьев. Выбор пал на зеленую мантию, широкую в плечах и сужающуюся к талии. К ней Корландрил не задумываясь, ведомый безошибочным художественным чутьем, подобрал широкий пояс. Затянув его на талии, эльдар босиком пошел в столовую зону, где его дожидался Абрахасил.

- Прошло шесть циклов, - сказал наставник.

В центре комнаты стоял длинный узкий стол, выступающий из дальней стены. С каждой стороны от него располагалось по восемь одноногих табуретов. Абрахасил не притронулся ни к еде, ни к напиткам.

- Шесть циклов? - переспросил Корландрил, открывая прозрачные дверцы шкафчика, из которого тут же извлек синюю бутылку и два серебряных бокала.

- Мне не наливай, благодарю, - сказал Абрахасил, но Корландрил все равно поставил оба бокала на стол, если наставник передумает, и, по-прежнему ощущая сухость во рту, налил себе щедрую порцию ледовинного сока. - Шесть циклов с церемонии открытия. Я беспокоился о тебе, ведь ты так быстро ушел. Тирианна сказала, что ты поспорил с Арадрианом.

Корландрил отпил из бокала. Старые воспоминания об Арадриане все не выходили у него из головы. В то время как некая часть сознания скульптора смаковала пряное послевкусие ледовинных ягод, другая его часть внимательно следила за Абрахасилом. Корландрил переместился в воспоминаниях к более позднему периоду - времени после возвращения Арадриана - и вспомнил, что произошло. Когда в памяти всплыла ссора, змея в груди заметалась в ярости, шипя и плюясь ядом при звуке слов Арадриана.

- Успокойся! - предостерег его Абрахасил.

- Я для того и погрузился в мечты, чтобы успокоиться, - выпалил Корландрил с раздражением, - в те самые, которые ты только что прервал.

- Шесть циклов бродить по собственному подсознанию - это слишком долго, - сказал Абрахасил. - Следуя по Пути созидателя, нельзя усердствовать в самопознании. Это приводит к душевным срывам, излишнему самоанализу и размыванию границ меж истинным созерцанием и воображаемыми образами. Я же предупреждал тебя.

- Я не смог придумать лучшего способа унять боль, кроме как вернуться в те времена, когда общение с Арадрианом доставляло радость.

- Ты - созидатель, поэтому должен выражать свои мысли в творчестве, а не скрывать их! - ответил Абрахасил и, наклонившись к столику, наполнил свой бокал. - В чем смысл создавать грандиозные произведения искусства, если ты не учишься ставить их на твердый постамент? Путь созидателя - это не обучение живописи или скульптуре, это постижение средств самовыражения, искусство отсеивать впечатления и наблюдения, которые могут пойти во вред, если с ними не совладать. Нельзя просто так уйти в сновидения и отрешиться от реального мира.

- По-твоему, я веду себя как незрелый юнец? - спросил Корландрил, гоня прочь мысли об Арадриане и допивая сок.

- Ты не юнец, но поступаешь безрассудно, - ответил Абрахасил. - Сам я никогда не шел по Пути

сновидца и не знаю, что за утешение ты в нем находишь, но, убегая от созерцания реального мира, делаешь шаг назад на Пути созидателя, а это неразумно.

Обдумывая предостережение, озвученное Абрахасилом, скульптор вновь наполнил свой бокал. Растревоженная змея извивалась и докучала ему. Он постарался утопить ее в соке ледовинных ягод, полностью сосредоточившись на чудесном вкусе напитка. Мрачные мысли отступали, организм наполнялся живительной силой.

- Надо занять себя новой работой, - сказал Корландрил. - Раз мне следует выплескивать чувства в работе, я больше не позволю себе заострить на них внимание.

- Вот это правильно, - ответил Абрахасил.

- Надо разыскать Арадриана и послушать, что он скажет. Возможно, тогда я выясню, что же гложет меня в его присутствии.

- Будь осторожен, Корландрил, - предостерег наставник. - Ты сейчас неуравновешен - Арадриан плохо влияет на твое душевное спокойствие. Я чувствую, что у тебя настал переломный момент на Пути созидателя. Я был бы счастлив наставлять тебя и дальше, ведь ты на пороге постижения всей силы экспрессии, но ты должен быть предусмотрительным в выборе эмоций, которые хочешь выразить в работе.

Корландрил улыбнулся, успокоенный заботливыми словами наставника. Он вновь ощутил уверенность, словно впереди зажегся маяк, указующий правильный путь. Его яркий свет спугнул коварную змею ревности, заставил ее до поры до времени уползти обратно в тень.

Наконец полностью очнувшись от сновидений, Корландрил преисполнился мыслями о будущем, запрятав прошлое глубже в сознание, чтобы оно не навлекло новых бед. Решив забыть о разногласиях с Арадрианом, он на миг позволил себе насладиться счастливыми воспоминаниями о нем, а затем прогнал и их, не оставив ничего, кроме настоящего и будущего.

Корландрил гнал небоход, радуясь свежему ветру, бьющему в лицо, мелькающим внизу холмам и деревьям. Легкое одноместное судно ловило крыльями ветер, поворачивая и взмывая в такт мыслям пилота. Корландрил на время позволил себе полную свободу действий, позабыв даже о том, что собирался встретиться с Арадрианом. Управляемый силой мысли аппарат стрелой взмывал в небеса, отведя назад крылья, и пилот хохотал от восторга. Судно, повинувшись капризу пилота, кружило и ныряло, выписывая в воздухе замысловатый рисунок из арок и петель.

Немного успокоившись, Корландрил выправил небоход, зафиксировав в памяти полученные впечатления. На мгновение он представил скульптурную композицию из воздушных потоков, подсвеченных изнутри, пойманных в постепенно ослабевающее стазис-поле.

Раздумья об искусстве вернули его к насущным задачам. Воздушная скульптура, безусловно, изящная идея, но она подождет. Сначала надо было облегчить душу и избавиться от страстей, разыгравшихся в связи с возвращением Арадриана. Корландрил направил небоход вниз, к серебристой ленте дороги, извивающейся меж холмов, засаженных алеющими лозами ледоягод. Лавируя в потоке других судов, аппарат мчался под искусственным небом купола.

Предвкушая встречу, Корландрил пронесся сквозь терминал, соединяющий купол Новых солнц с аллеей Звездных тайн. Здесь, на одной из главных магистралей Алайтока, транспортный поток был плотнее: сотни эльдар ежедневно путешествовали меж плато и куполов искусственного мира. Кто-то неторопливо

прогуливался пешком; другие, как Корландрил, предпочитали небоходы; многие путешествовали на парящих над поверхностью мира платформах, подчинявшихся коллективной воле эльдар, находившихся на борту.

Корландрил позволил себе залюбоваться открывшейся картиной. Его не столько поражал сам пейзаж, сколько тот факт, что Арадриан не сумел разглядеть неотъемлемую красоту и многогранность этого мира-корабля. Его друг смотрел на те же вещи, но не обладал видением художника. Возможно, поэтому от его внимания ускользала утонченность форм, игра полутонов и нескончаемая суета живой системы. Он просто не достаточно развил художественный вкус, чтобы оценить гармонию бытия, проследить течения материального и эфемерного мира и узреть то, что лежит промеж них.

Корландрил почувствовал проблеск надежды и слегка замедлил небоход, чтобы управление не занимало все его внимание. В голову скульптору пришла мысль о том, что, возможно, у него получится убедить Арадриана встать на Путь созидателя. Арадриан ведь ищет новые горизонты, а что может сравниться с ощущением, когда твой разум открывается для разнообразных чувств. Для Корландрила это было словно опьянение, и ему не терпелось разделить свой восторг с другом.

Небоход мчался вперед, ровный гул двигателей радовал сердце. Заложив левый вираж, Корландрил ворвался в Полуночный купол и погрузился в полумрак. Глаза быстро привыкли к слабому освещению, теперь он различал оттенки синего и лилового на темно-сером фоне. Сквозь рев двигателя до него донесся смех влюбленной пары, но Корландрил старался не прислушиваться к их разговорам, опасаясь вновь погрузиться в размышления о Тирианне. Сейчас неподходящий момент обдумывать свои чувства. Шепот ветра унес прочь этот звук, и остались лишь ощущение скорости и темные силуэты проносящихся мимо деревьев.

На границе Полуночного купола и купола Вздохов и шепота Корландрил вновь сбавил скорость, рев двигателя сменился на ласковое урчание. В наступившей благоговеющей тишине он пролетел между колонн и взмыл вверх. Без малейшего усилия накрывая небоход то на правое, то на левое крыло, он обдумывал, как уговорить Арадриана пойти вместе с ним по Пути созидателя.

Наконец Корландрил замедлил небоход и снизился, ныряя в туннель, ведущий вглубь Алайтока, к портовым башням. Интерьер перехода был создан без претензии на единство с природой. Овальный в сечении туннель озарялся мягким оранжевым светом, всполохи энергии пульсировали вдоль встроенных в стены проводников круга бесконечности. В глубине перехода Корландрил смутно ощутил вокруг себя постороннее присутствие, психические энергии духов мира-корабля сливались воедино и распадались на части, нашептывая о чем-то его подсознанию.

Не без облегчения Корландрил покинул туннель, протягивающийся до башни Нескончаемого терпения, где по возвращении решил поселиться Арадриан. Когда на психическом уровне за спиной стих шепот круга бесконечности, Корландрил припарковал небоход у спиральной лестницы, ведущей в верхнюю часть башни.

Покинув транспорт, который тут же самостоятельно направился к свободной парковочной нише, Корландрил постарался сконцентрироваться. Он расправил складки на мантии, поправил пояс и пригладил рукой растрепанные волосы, придавая прическе более-менее приличный вид. Оставшись довольным своим видом, эльдар поднялся по обвившей башню лестнице. Длинные ноги мигом внесли его на девятый этаж, тело радовалось физической нагрузке, которой ему так недоставало последнее время.

Корландрил нашел опаловые покои и заявил о своем присутствии, коснувшись панели круга

бесконечности. Ответа не последовало. Позволив пальцам задержаться на передающей панели чуть дольше, эльдар попытался почувствовать присутствие Арандриана, но обнаружил лишь его остаточный след.

Слегка изменив мысленный посыл, Корландрил ощутил присутствие эльдар в соседних покоях и направил запрос туда. Спустя некоторое время в арке появилась женщина. Судя по окружающей ее ауре мудрости, она была очень стара. Из короткого общения через круг бесконечности он узнал, что ее звали Герисианит. Она была пилотом космического челнока.

- Чем я могу быть полезна тебе, Корландрил, - спросила женщина, прильнув плечом к дверному косяку. Взгляд ее скользнул по Корландрилу. Она смотрела на него так же, как сам он привык глядеть на других. На каком-то этапе своей долгой жизни она тоже шла по Пути созидателя.

- Я ищу своего друга Арандриана, он твой сосед, - ответил Корландрил, - он вернулся на Алайток на борту «Лаконтирана» девять циклов назад.

- Твоего благоприятеля не было дома уже два цикла, - ответила Герисианит, к удивлению Корландрила употребив архаичный термин. Возможно, это был сарказм, и от ее внимания не ускользнула тень сомнения, прозвучавшая в его голосе. - Он вышел вместе со своей знакомой, Тирианной, с тех пор я его не видела и не ощущала его присутствия.

- Случайно не знаешь, куда они направлялись?

Герисианит показала пальцами жест отрицания, движение запястья означало, что подобный вопрос неприличен. Не желая более докучать ей, Корландрил кивнул в знак прощанья, развернулся и пошел вниз по лестнице, по дороге задаваясь вопросом, чем же мог заниматься Арандриан эти два цикла. Неужели он все это время пробыл с Тирианной?

Корландрил погрузился в сон-воспоминание. Лишь небольшая часть сознания скульптора, направлявшая его тело к изогнутой скамье неподалеку, не теряла связи с явью. Путеводный камень гулко пульсировал, но эльдар не обращал внимания, погружаясь все глубже в сновидение.

Аромат синецветов смешивался в воздухе с запахом распускающихся водных вишен. Беззаботные разговоры и смех. Тирианна стоит рядом со своим отцом, блистательная в черном с золотом платье. Бронзового цвета волосы подхвачены парящей сетью мерцающих сапфировых заколок. Взгляд зеленых с золотистыми искорками глаз не отрывался от Корландрила с того самого момента, как он вошел в зал. Рядом Корландрил ощущал тепло Арандриана - его физическую и эмоциональную поддержку. Друг не обманул, что дочь Аурентиуна, теща желаний, была прекрасна, словно ярчайшая звезда в озаренной светом Галактике.

Арандриан познакомил их. Тирианна улыбнулась Корландрилу, и он растаял. Девушка оценила его плащ из лунотигра. Он пролепетал в ответ какую-то глупость, которую предпочел забыть. Они танцевали, меняясь партнерами, под аккомпанемент лиры-жнеца Арандриана. Позже Корландрил сыграл на световой флейте, восхитив публику многообразием звуковых нюансов и прелестных переходов.

Следующий цикл был жарким, и все трое наслаждались искусственным солнцем на лиловых пляжах под куполом Новой надежды. Корландрил искренне наслаждался их невинными развлечениями, простыми и незатейливым радостями. Все трое были музыкантами и с удовольствием подтрунивали друг над другом, играя каждый свою мелодию, а затем объединяя их в ритм мыслей и чувств.

Грезы прервала вновь зашевелившаяся змея ревности. Неужели Арандриан и Тирианна не просто

приятели? Содрогнувшись от столь неожиданного выхода из полусна, Корландрил решил вернуться к первоначальному плану. Пожалуй, проще будет найти Тирианну. Даже если окажется, что Арадриан сейчас не с ней, возможно, девушка сможет подсказать, где его искать.

Корландрил обнаружил терминал круга бесконечности в листошептовой роще неподалеку и направил деликатный запрос в поисках Тирианны. Она пробыла на мире-корабле дольше Арадриана, и ее присутствие в психической матрице, питавшей Алайток, ощущалось намного явственнее. Сконцентрировавшись на образе Тирианны, Корландрил увидел остаточную тень ее перемещений по искусственному миру за последние два цикла. Вот она встретилась с Арадрианом (здесь его след виден не менее ярко), затем прошла по бульвару Расколотых лун, меж торговых галерей с платьями и украшениями и вернулась в свои покои – одна, к радости Корландрила. Полцикла она провела там, затем отправилась в бухту Прощания с печалью, вновь встретилась с Арадрианом, на этот раз пробыв с ним совсем недолго, и вернулась к себе в тишине и одиночестве. Вероятно, сейчас она медитировала или сочиняла стихи.

Корландрил сформулировал мысленный запрос о встрече и направил его Тирианне. Ожидая ответа, он позволил вибрациям круга бесконечности проникнуть в свой разум: под куполом Последнего восхода что-то праздновали, пугающая тьма обитала в храме Мертвенной вуали.

Корландрил отшатнулся, почувствовав смрад, исходивший из храма аспектных воинов. Он мало общался с воителями, но храм Мертвенной вуали служил пристанищем одной из сект темных жнецов, в которую входили его друзья Артуис и Маэртуин. Он старался не вникать в военные дела, поскольку они отвлекали от творчества. Среди работ скульптора не нашлось места для кроваворукого Каэла Менша Кхаина. Однако все, так или иначе связанное с его друзьями, было небезынтересно Корландрилу. Он вновь переключил внимание на дремлющую Тирианну.

Она встрепенулась и отправила Корландрилу мысленный образ его статуи и изображение себя вместе с ним у постамента. Это было приглашение. Корландрил отразил зрительный образ с небольшой корректировкой – работали ночные щиты, приглушавшие свет умирающей звезды, создавая предвечерние сумерки. Тирианна ответила тем же, и встреча была назначена.

Довольный собой Корландрил отсоединился от круга бесконечности и, вернувшись к Опаловым покоям, взял свободный небоход, и отправился домой. По дороге энтузиазм его угас. Корландрила снедал вопрос: «Почему присутствие Арадриана ощущалось так слабо?»

Тирианна сидела на краешке изогнутой скамьи возле статуи и смотрела куда-то в сгущающиеся сумерки. Увидев Корландрила, спешащего к ней через лужайку, она на мгновение улыбнулась и вновь погрузилась.

– Арадриан покинул Алайток, – тихо сообщила она, когда Корландрил присел рядом с ней.

Ошарашенный скульптор не смог сразу найти нужные слова. Он собирался начать разговор с вопроса о здоровье Тирианны, но известие об отъезде Арадриана спутало все его мысли. В душе скульптора вихрем пронесся хоровод чувств: шок, разочарование, беспокойство и некоторая доля радости.

– Как же так? – спросил Корландрил. – У нас, конечно, были разногласия, но я и представить не мог, что он решит так спешно покинуть Алайток.

– Он уехал не из-за тебя, – сказала Тирианна.

По едва заметному асинхронному взмаху ее ресниц эльдар понял, что девушка в смятении. Она не лгала,

но и не раскрывала всю правду.

- Почему он не проведет меня перед отбытием? - спросил Корландрил. - Конечно, мы с ним стали уже не так близки, как раньше, но я и подумать не мог, что его мнение обо мне так сильно изменилось.

- Это не из-за тебя, - повторила Тирианна, опустив веки в знак того, что винит в отъезде Арандриана лишь саму себя.

- Что произошло? - спросил Корландрил, стараясь, чтобы его слова не звучали как обвинение. - Когда он уехал?

- Он отбыл на борту «Ирдируса» в прошлом цикле. До этого мы некоторое время пробыли вместе.

Корландрил слышал это название и раньше, но никак не мог припомнить, куда же это судно направлялось. Девушка угадала его мысли:

- «Иридису» предстоит неблизкий путь к миру «ушедших» Элан-Шимареш и далее к Стылой бездне Мейос, - пояснила она.

- Так Арандриан решил стать... странником? - в голове у Корландрила недоверие боролось с неприязнью. Прижав тонкие пальцы к губам, он пытался успокоиться. - Я и не думал, что ему настолько опротивел Алайток.

- Я тоже. Возможно, поэтому он и уехал, - призналась Тирианна. - Я вспыхнула, была слишком резка с ним. Вероятно, это из-за меня он решил не откладывать отъезд.

- Я уверен, ты не... - начал было Корландрил, но Тирианна оборвала его слова нервным взмахом пальцев.

- Я не хочу об этом говорить, - вот и все, что она ответила.

Некоторое время они сидели молча. Тишину нарушал лишь щебет крохотных птиц в ветвях над головами. Где-то в лесной чаще ожил ветродуй и кроны деревьев зашелестели листвой. Вокруг царил миротворение.

- Я собирался обсудить с тобой кое-что, - произнес Корландрил, отбросив мысли об Арандриане, - у меня к тебе предложение.

В нефритовых глазах Тирианны мелькнуло любопытство. Кивком головы она предложила пройтись.

- Не возражаешь, если мы продолжим разговор у меня, за бокалом чего-нибудь прохладительного?

- Я всецело за, -- ответил Корландрил, и пара направилась ко входу под купол.

Они шли молча, соблюдая дистанцию, достаточно близкую для добрых друзей, но не нарушающую рамки приличий. Сердце Корландрила билось чаще обычного - он тщетно пытался совладать с растущим волнением, вызванным столь неожиданной покладистостью Тирианны.

Прогулка пешком заняла половину ночного цикла. Когда они достигли серебристой арки, ведущей к главной транспортной артерии Алайтока, наступила темнота, нарушаемая лишь слабым отблеском умирающей звезды и светящимися огоньками круга бесконечности.

Широкая улица была почти пуста: Корландрил с Тирианной встретили не более десятка эльдар по пути до поворота, ведущего в покои Тирианны. Она поселилась в сообществе поэтов в башне Дремлющих

послухов. Считалось, что это место с отрывавшимся видом на звезды с одной стороны и весь Алайток с другой способствовало размышлениям.

Едва они собирались взойти на эскалатор, ведущий к вершине башни, как из темноты появилась группа эльдар. Ощувив окружавший их мрак, Тирианна прильнула ближе к Корландрилу. Он успокаивающе положил руку на плечо девушки, хотя дурное предчувствие омрачило и его настроение.

Поступь облаченных в пурпурно-черную пластинчатую броню аспектных воинов гремела в полуночном мраке опустевших улиц. Аура смерти клубилась вокруг них, словно зловоние. Чем ближе они подходили, тем сильнее Корландрил ощущал растущую угрозу. Снятые шлемы они пристегнули к ремням, оставляя руки свободными для легких ракетных установок.

Темные жнецы - одержимые войной приверженцы аспекта Разрушителя.

Даже сняв шлемы, они не стерли с лиц начертанные кровью руны темного жнеца. Тирианна и Корландрил отступили к обочине дороги, вглядываясь в воинов в поисках друзей. Скульптор вдруг со стыдом осознал, что непроизвольно выдвинул Тирианну перед собой, отступая за ее спину. Девушка, напротив, совсем не боялась. Корландрил почувствовал, что она вся дрожит, но не от страха, а от волнения. Когда-то она сама шла по Пути воина, неужели Кхаин снова вызывает к ней? Возможно ли, что появление аспектных воинов пробудило в ее душе нечто, с чем цивилизация эльдар так отчаянно пыталась совладать?

Тирианна заметила Маэртуина и Артуиса, идущих чуть позади остальных. Братья остановились, глядя на Тирианну и Корландрила. Выражения их лиц оставались безучастными, лишь слабая тень узнавания проскользнула во взгляде воинов. Корландрил с трудом подавил дрожь, учуяв запах крови, нанесенной на их лица.

- Все прошло благополучно? - почтительно осведомилась Тирианна.

Артуис заторможено кивнул.

- Победа осталась за нами, - провозгласил Маэртуин.

- Увидимся на террасе Расвета эпохи, - сказал Артуис.

- В начале следующего цикла, - добавил Маэртуин.

Корландрил и Тирианна кивнули в знак согласия, и аспектные воины продолжили путь. Девушка расслабилась, а Корландрил вздохнул с облегчением, освободившись наконец от ничего не выражающего, но удивительно пронзительного взгляда братьев.

- Уму непостижимо, как можно получать удовольствие от подобных ужасов, - произнес Корландрил, еще не до конца опомнившись от страха, когда они вступили на эскалатор. Движущаяся дорожка плавно несла их к вершине башни Дремлющих послухов. Когда они прибыли, Корландрил с трепетом посмотрел в наполненное мириадами звезд небо, от которого его теперь отделял лишь невидимый энергетический щит. На мгновение ему показалось, что он понял, почему так влекло Арадриана к далеким звездам.

- Это не ради удовольствия, - ответила Тирианна.

- Что?

- Путь воина избирают не ради удовольствия, - повторила Тирианна. - Нельзя так просто выплеснуть

свою ярость в пустоту. Она копится и растет, словно гнойник, что рано или поздно прорвется наружу.

- Это ж на что надо так разозлиться? - засмеялся Корландрил. - Будь мы бьель-танцами, одержимыми идеей возрождения былых времен, тогда еще можно было бы найти оправдание размахиванию мечами и ружьями, но все же это варварство.

- А ты просто не замечаешь кипящих в тебе страстей, - выпалила Тирианна.

Корландрил почувствовал вину и смущение.

- У меня не было намерения обидеть тебя, - ответил он.

- Что мне до твоих намерений, - губы Тирианны сжались в тонкую линию, - может, желаешь заодно посмеяться над прочими Путями, избранными мной?

- Я не хотел... - пролепетал Корландрил, сам не зная, чего он на самом деле хотел. Все его красноречие исчезло, когда Тирианна вспыхнула гневом. - Прости меня.

- Путь сновидца, Путь пробуждающегося, Путь созидателя, - продолжала Тирианна, - все ради потворства собственным прихотям - ни чувства долга, ни самопожертвования.

Корландрил пожал плечами. Это был вульгарный жест.

- Я просто не ощущаю в себе жажды проливать чужую кровь, как некоторые из нас, - ответил он.

- Вот это-то и опасно! - произнесла Тирианна. - Куда девается весь гнев, который ты испытываешь, когда кто-то злит тебя? Куда уходит ненависть, вспыхивающая внутри при мысли о том, что мы все потеряли? Ты научился не контролировать свои чувства, а лишь не замечать их. Воссоединившись с Кхайном, приняв один из его аспектов, мы не только сражаемся с врагом, но и учимся противостоять самим себе. Каждому следует хотя бы раз в жизни избрать этот Путь.

Корландрил покачал головой.

- Лишь жаждущие крови проливают ее.

- «Книга вопросов» о пророчествах Финдруэр, - насмешливо произнесла Тирианна, сдвинув брови, - да, я тоже ее читала - не надо так удивляться. Вот только я прочла ее после того, как прошла Путем воина. А эта самодовольная эстетка рассуждает о том, что не испробовала на себе. Вот лицемерка.

- Она одна из самых выдающихся философов на Ияндене...

- Пустозвон-радикал без царя в голове, зато с джэйринксом подмышкой!

Корландрил засмеялся, но Тирианна угрюмо уставилась на него.

- Прости, - поспешил извиниться он, - надеюсь, что это была не строка из твоего стихотворения!

Тирианна колебалась: разозлиться ей или рассмеяться.

- Только посмотри на нас! Парочка философов! Да что мы знаем?

- Достаточно мало, - согласился Корландрил, - и в этом может таиться опасность.

Корландрил молча ждал, пока Тирианна смешает свой любимый коктейль из фруктовых соков и

толченого льда. Вручив гостю изящный бокал, она жестом пригласила его присесть на одну из подушек, служивших сиденьями в ее гостиной. В прошлой раз, когда Корландрил заходил в гости, покои Тирианны выглядели иначе. Исчезло голографическое изображение скульптурной композиции «Похвала дерзости» работы Иллудурана. Вместо прежней пастельной гаммы вся комната была в белых и бледно-серых тонах, роль мебели исполняли несколько плотных подушек на полу. Корландрил окинул комнату выразительным взглядом.

- Надо же, какой незатейливый постгеретиунский минимализм, - удивился он, пытаясь устроиться как можно удобнее.

- У тебя было ко мне какое-то предложение? - спросила Тирианна, не обращая внимание на прозвучавшую укоризну.

Корландрил колебался. Для объяснения требовалась совсем иная атмосфера. Хотя им удалось закончить спор еще по дороге, та теплота, что ощущалась между ним и Тирианной на скамейке под куполом, ушла. Важно было создать правильный настрой. Корландрил решил попытаться восстановить взаимопонимание через волновавшую их тему - отъезд Арадриана.

- Жаль, что Арадриан вновь нас оставил, - искренне сказал он, - а я-то надеялся убедить его присоединиться ко мне на Пути созидателя. Возможно, между нами тогда бы снова возникла взаимная симпатия, как во время нашего хождения по Пути сновидца.

Тирианна встряхнула волосами. Этот жест выражал раздражение.

- Что опять не так? - спросил Корландрил.

- Ты хочешь этого не ради Арадриана, - ответила она, садясь напротив скульптора, - как всегда, это только твое желание: так будет лучше для тебя, но не для Арадриана.

- Он одинок и растерян, - не согласился Корландрил, - я считаю, что если бы он научился видеть Вселенную моими глазами, - глазами творца, тогда он смог бы по-новому взглянуть и на наш мир-корабль.

- Ты все еще злишься из-за того, что ему не понравилась твоя статуя! - с насмешкой воскликнула Тирианна и тут же вздохнула. - Думаешь, что если он научится «видеть» мир твоими глазами, то по достоинству оценит твой гений? Полагаешь, что он критикует тебя из невежества, отсутствия твоих познаний?

- Вполне вероятно, - согласился Корландрил примирительно, уже осознав, что выбрал не ту тему. - Я не хочу, чтобы отъезд Арадриана стал препятствием нашей дружбе. В один прекрасный день он вернется, в этом я не сомневаюсь. Мы с тобой неплохо обходились без него - справимся и теперь. Если, конечно, будем держаться ближе друг к другу.

- Твоя дружба всегда очень многое значила для меня, - сказала Тирианна, окрылив Корландрила надеждой.

- Я задумал новую статую, кое-что совершенно новое, не похожее на мои предыдущие работы, - объявил он.

- Я рада это слышать. Полагаю, если ты найдешь, чем занять свои мысли, у тебя останется меньше времени на переживания по поводу отъезда Арадриана.

- Совершенно верно! Я собираюсь погрузиться в искусство портрета. Так сказать, воплотить мою преданность в камне.

- Звучит интригующе, - сообщила Тирианна. - Пожалуй, что-то более приближенное к реальности пойдет на пользу твоему творческому развитию.

- Не будем заходить слишком далеко, - улыбнулся Корландрил, - я все же собираюсь привнести в эту работу некоторые абстрактные элементы. Нельзя же передать истинную любовь и теплоту одним лишь портретным сходством.

- Ты удивляешь меня. Я не обижусь, если ты не захочешь отвечать, но все-таки позволь узнать, кто вдохновил тебя на новую работу?

Корландрил подумал сначала, что она притворяется, но выражение лица Тирианны говорило само за себя: девушка действительно понятия не имеет о том, что является предметом его восхищения. Змея, поселившаяся в груди Корландрила, злобно зашипела, расправляя кольца. К чему были все намеки? Он никогда открыто не выражал свои чувства, но и не делал из них тайну. Неужели она задумала какую-то изощренную игру, чтобы заставить его вслух сказать то, что им понятно и без слов?

- Ты мое вдохновение, - тихо ответил он не сводя глаз с Тирианны, - это тобой я одержим, тебя хочу изобразить в качестве объекта своей страсти.

Тирианна захлопала глазами, удивленно изогнув брови.

- Я... ты... - она отвернулась. - Не думаю, что это оправдано.

- Оправдано? Это выражение моих чувств к тебе. Разве нужно оправдание тому, кто стремится воплотить в жизнь свои мечты и желания? Ты моя мечта.

Тирианна не отвечала. Она поднялась и отошла от Корландрила на несколько шагов. Когда девушка вновь посмотрела на него, лицо ее стало серьезным.

- Это плохая затея, друг мой, - сказала она нежно, - я ценю твои чувства и, возможно, признайся ты раньше, была бы не только польщена, но и на седьмом небе от счастья...

Змея всадила клыки в самое сердце Корландрила.

- Но не теперь? - спросил он, боясь услышать ответ.

Она покачала головой.

- Отъезд Арадриана открыл мне глаза на то, чего мне не хватало последние несколько периодов, - сказала она. Корландрил робко поднял руку, подзывая ее ближе. Тирианна села рядом и сжала его ладонь. - Я меняюсь. Путь поэта для меня уже пройден. Страдая и радуясь в своих стихах, я сбросила бремя, терзавшее меня. Теперь во мне разыгрались новые стремления.

Корландрил отдернул руку.

- Ты едешь вслед за Арадрианом! - выпалил он. - Я так и знал, что вы двое сговорились!

- Не мели чепуху, - с досадой воскликнула девушка, - я рассказала ему то, что сейчас говорю тебе, поэтому он и уехал

- Ах вот как, значит, он все-таки заигрывал с тобой! - Корландрил поднялся, вытер лоб рукой и с осуждением выставил вперед указательный палец. - Так и есть! Только посмей это отрицать!

Она отмахнулась от его руки.

- По какому праву ты меня обвиняешь? Если хочешь знать, я никогда в жизни не строила планов насчет Арадриана - ни до его отъезда и уж точно ни по возвращении нашего друга. Я просто не готова к постоянному спутнику жизни. Именно поэтому я не могу быть твоей музой.

Она сделала шаг на встречу, раскрывая ладони в знак дружбы.

- Я хочу уберечь тебя от горького разочарования, лишь поэтому я отвергаю твои ухаживания, - сообщила Тирианна. - Я поговорила с ясновидцем Алайтеиром - он согласился, что я готова вступить на Путь ясновидца.

- Ясновидца? - с горькой насмешкой переспросил Корландрил. - Хорош же из тебя ясновидец, раз ухитрилась проглядеть даже мои к тебе чувства.

- Я их давно заметила, но намеренно никак не реагировала, - сказала Тирианна, накрывая его руку своей ладонью, - я просто не хотела поощрять твою привязанность. Признать твои чувства значило бы открыть их всему миру, а этого я как раз старалась избежать ради нас.

Высвободив руку, Корландрил отмахнулся от ее объяснений.

- Если ты не разделяешь мои чувства, так и скажи - не надо жалеть мою гордость. Нечего придумывать оправдания вроде смены Пути.

- Это не оправдание, это правда! Ты любишь Тирианну-поэтессу. Сейчас мы с тобой похожи, наши Пути различны, но ведут в одном направлении. Когда я стану ясновидцем, то перестану быть поэтессой, а ты не полюбишь ясновидца.

- Почему ты не даешь мне это решать? Кто ты такая, чтобы судить, что случится, а что нет. Ты еще даже не вступила на Путь ясновидца, а уже считаешь себя вправе предсказывать будущее?

- Если твои чувства действительно не изменятся и мои тоже, вот тогда будь что будет.

Корландрил едва не выпалил какое-то оскорбление, как вдруг осознал смысл слов Тирианны, и змея задохнулась среди ярких цветов воспрянувшей надежды.

- Так у тебя ко мне такие же чувства? Ты признаешь, что тоже любишь меня?

- Тирианна-поэтесса всегда любила тебя, - признала она.

- Так зачем же отказываться от чувств, если они взаимны? - спросил Корландрил, сделав шаг навстречу Тирианне и вновь взяв ее за руку.

На этот раз шаг назад сделала она. Когда девушка заговорила, она не смогла заставить себя посмотреть ему в глаза.

- Если я отдамся своей страсти, она захватит меня и запрет в ловушку. Я навсегда останусь лишь Тирианной-поэтессой, тайком пишущей строки о любви.

- И мы будем вместе - поэтесса и скульптор! Что же в этом плохого?

-Это не нормально! Ты знаешь, как опрометчиво для эльдар замыкаться в себе. Наши жизни должны пребывать в постоянном движении. Мы вынуждены переходить с Пути на Путь, развиваться, совершенствовать себя и Вселенную вокруг нас. Потакание собственным слабостям вновь приведет нас во тьму, привлечет внимание Той... Той-что-жаждет.

Корландрил содрогнулся при упоминании гибели всех эльдар, пусть даже иносказательном. Его путеводный камень задрожал, став прохладным. Тирианна сказала правду, прописную истину для всех жителей миров-кораблей. Цивилизация эльдар строилась на воздержании от пороков и отказе от потворства собственным страстям, уже приведшим когда-то к Падению.

Но Корландрилу было всё равно. Какая глупость, что они с Тирианной не могут быть счастливы вместе.

- В наших чувствах нет ничего плохого! Со времен основания искусственных миров эльдар любили и были любимыми, и ничего страшного не происходило. Так почему же мы с тобой должны лишиться себя этого?

- Ты говоришь как Арандриан, - призналась Тирианна, поворачиваясь к Корландрилу, - он просил меня оставить Путь и присоединиться к нему. Даже если бы я любила его, то не пошла бы на это. И тем более, не пойду ради нас с тобой. Я очень сильно люблю тебя, но не стану рисковать своей бессмертной душой. Для меня это все равно, что выйти в открытый космос и надеяться на то, что я смогу там продолжать дышать.

В глазах у нее проступили слезы.

- Пожалуйста, уходи.

Корландрила обуяла ярость. Гнев прокатился с кровью по его венам, затуманил разум. А за ним мрачной тенью пришло отчаяние: он словно падал в бездонную пропасть. Хотелось потерять сознание, но эльдар устоял на ногах, заставив себя глубоко дышать. Змея в груди, стиснув сердце, душила его, выдавливая жизнь из тела, причиняла мучительную боль.

- Я не могу помочь тебе, - сказала Тирианна, с жалостью глядя на его мучения, - я знаю, что тебе больно, но это пройдет.

- Больно? - вскричал Корландрил. - Да что ты знаешь о моей боли?!

Его сознание корчилось в агонии: застрявшее на Пути созидателя, оно рвалось из тела, жажда выплеснуться наружу. Раздражение, накопленное за долгие периоды, не находило выхода. Так долго сдерживаемые чувства к Тирианне грозили сейчас извергнуться вулканом. Корландрил не в силах был усмирить водоворот страстей, бушующий в его душе. Не было такого сна, в котором он смог бы теперь обрести покой; не придумать скульптуры, работа над которой притупила бы боль; ни одно чувство не способно было заглушить агонию, раздиравшую его душу. Раскаленный добела путеводный камень жег грудь.

Ярость захлестнула Корландрила. Хотелось ударить Тирианну за ее эгоизм и недалекость. Хотелось проливать кровь, дать боли вытечь из глубоких ран, кровью потушить пожар ярости. Но сильнее всего ему хотелось причинить боль другим, заставить их разделить его страдания.

Не найдя больше слов, Корландрил кинулся прочь, боясь, как бы то, что терзало его изнутри, не прорвалось наружу. Он выбежал на улицу и поднял глаза к бескрайним небесам. Слезы полились по лицу, сердце бешено колотилось.

Ему нужна была помощь. Кто-то должен был помочь погасить пламя, полыхавшее у него в душе.

Глава 4. Отречение

Задолго до Войны в небесах и появления эльдар боги, вовлеченные в нескончаемый круговорот любви и ненависти, верности и предательства, жили своей жизнью: плели интриги, строили козни и просчитывали комбинации. Лунная богиня Лилеат была возлюбленной Курноуса, повелителя охоты. Этот союз благословил сам всемогущий Азуриан и одобрили другие боги, за исключением Каела Менша Кхаина, кроваворукого, который возжелал Лилеат. Его пленила не ее вечная красота и даже не острый ум, расположивший к ней всех прочих богов. Лилеат нужна была Кхаину лишь потому, что она предпочла ему Курноуса. Кроваворукий надеялся покорить красавицу демонстрацией боевых навыков, но богиня была к ним безразлична. Тогда он пробовал сочинять оды в её честь, но его поэзия оказалась груба и движима лишь стремлением отвоевать и возобладать. Лилеат оставалась верна своему возлюбленному. Раздосадованный Кхаин обратился за помощью к Азуриану и потребовал, чтобы лунную богиню отдали ему. Всемогущий ответил, что не в силах принудить Лилеат. Если Кхаин не способен завоевать сердце девы, значит, ему не суждено обладать ею. Взбешенный кроваворукий поклялся, что раз Лилеат не захотела принадлежать ему, то не достанется и никому другому. Выхватив свой меч «Вдоводел», «Убийца миров», он проделал дыру в пространстве и, схватив Лилеат за лодыжку, сбросил богиню в пропасть между мирами, туда, откуда свет девы больше не проникал во Вселенную. Небеса померкли на тысячу дней, пока отважный и ловкий Курноус не преодолел разрыв и не освободил возлюбленную. Тогда небеса вновь озарились ее светом.

Корландрилу никак не удавалось восстановить душевное равновесие. Сгорая со стыда, он в отчаянии укрылся меж деревьев под куполом Полуночных лесов. Здесь его рыдания наконец прекратились. Эльдар полностью отрешился от своего тела – он более ничего не видел, не ощущал, не осязал и не слышал. Умение изолировать свой разум от внешних факторов Корландрил отточил еще на Пути сновидца. Запертый внутри собственного сознания, он все же устоял перед искушением забыться в сновидениях. На Пути пробуждения юноша научился отключать внимание, блокировать сознание и полностью концентрироваться на собственных ощущениях.

Оба пройденных Пути отлично дополняли позднее избранный Корландрилом Путь созидателя, но так и не научили скульптора главному. Весь его опыт ограничивался познанием окружающего мира и взаимодействием с ним. В качестве скульптора он совершенствовал способы творческого самовыражения, обращения задумки в деяние. Теперь же, когда мысли его сделались мрачны и кровожадны, Корландрил не мог дать им волю.

Анализируя недавние воспоминания и впечатления, юноша пытался осознать произошедшее. Он не понимал, что послужило последней каплей, прорвавшей плотину тщательно сдерживаемой ярости. Впрочем, Корландрил далеко не был уверен, что понимание причин хоть как-нибудь поможет в решении проблемы. Он твердо знал лишь одно: нельзя позволять подобным мыслям вырываться на свободу и ни в коем случае поддаваться приступам гнева. Потворство подобным порывам однажды уже привело эльдар к Грехопадению.

На мгновение Корландрил задумал отыскать терминал круга бесконечности и связаться с Абрахасилом, но быстро отказался от этой затеи. Не в том состоянии он пребывал, чтобы взаимодействовать с кругом. Его эмоциональный срыв непременно привлечет нежелательное внимание. Как бы такой сеанс связи не навредил ему или даже всей сети. Кроме того, в случае если он все же совладеет с собой в достаточной степени, чтобы установить связь с кругом, едва ли Абрахасил сможет чем-то помочь. Проблема была не

в форме или восприятию и даже не в самовыражении. Корландрил не мог понять, отчего ему так больно и почему страдания пробудили в нем тягу к насилию и разрушению.

Вдруг в вихре путающихся мыслей промелькнуло воспоминание о еще не пережитом событии. Ухватившись за него, Корландрил вспомнил о назначенной встрече с Артуисом и Маэртуином. Восстановив в памяти образы братьев и сопоставив их со своим душевным состоянием, эльдар, к своему удивлению, узнал кое-что замеченное, вернее, не замеченное им в глазах друзей, пока их лица еще покрывали боевые маски. Во взглядах воинов не было жизни, ужаса, стыда и сожаления.

Если кто и в состоянии был понять охватившее его буйство, то лишь аспектные воины.

Терраса Заката эпохи, озаренная светом Мирианатир, дугой повторяла изгиб внешней границы Алайтока. Километровый балкон защищала полупрозрачная зеркальная сфера, отражавшая собравшихся внизу эльдар. Окрашенные багряным заревом умирающей звезды образы создавали причудливую живую картину на фоне небосвода.

Новый цикл только начинался. Множество эльдар завтракали на балконе, проходя время от времени между столиками и расположенными по внутреннему радиусу террасы прилавками с едой и напитками. Угощались они в основном фруктами из местных садов и пряными мясными закусками, привезенными торговыми судами из миров «ушедших». Те, что избрали Путь служения, исправно наполняли разнообразные сосуды напитками всех цветов радуги, в том числе светящимися и газированными. Звукопоглощающее поле приглушало разговоры многочисленных эльдар, приветствующих друг друга, спорящих, мирящихся, прощающихся.

Один край балкона был заполнен менее остальных. Прочие эльдар старались держаться на незначительном, но все же заметном расстоянии от группы посетителей, сидящих на длинных скамьях. Аспектные воины, сняв боевые маски, пребывали в молчаливых раздумьях.

Корландрил робко шагал по бледно-голубому полу навстречу воинам. Даже после продолжительной медитации и успокоительных мантр, он все еще дрожал. Любопытные взгляды незнакомых эльдар только добавляли нервозности.

Остановившись, скульптор налил себе бокал рассветной воды и, облокотившись на прилавок, вглядывался в лица аспектных воинов, ища знакомых.

Артуис помахал ему в знак приветствия. Рядом с ним сидел Маэртуин и еще несколько незнакомых эльдар. На коленях они держали блюда с закусками, ели руками и поддерживали между собой негромкий разговор. Для Корландрила освободили место на скамье напротив его друзей. Он присел, чувствуя себя неловко в окружении стольких воинов.

- С началом нового цикла тебя, - произнес Маэртуин. - Ты не голоден?

- А я бы освежевал и съел бы целого нарборова, - сказал Артуин и замолчал, чтобы прожевать горсть ароматных зерен с тарелки, с верхом наполненной разнообразными лакомствами.

- Знакомься, это Элиссанадрин, - Маэртуин представил даму слева от себя. На вид ей было за восемьдесят периодов, вдвое больше чем Корландрилу. Лицо с выступающими скулами и тонким острым носом отличала худоба. Повернувшись, женщина улыбнулась Корландрилу. Движения ее были точны и резки. На секунду задумавшись, она определила личность новичка.

- Рада познакомиться с тобой, Корландрил-скульптор, - скороговоркой произнесла Элиссанадрин.

Корландрил протянул ей открытую ладонь. Из остальных эльдар, представленных ему, он запомнил лишь Фиаритина, юношу, едва вышедшего из отрочества, высокого пожилого Селлисарина и еще нескольких личностей, чьи имена и лица скульптор постарался на всякий случай сохранить в памяти.

- С тобой что-то не так, Корландрил, - сказал Артуис, убирая опустевшую тарелку на полочку под скамьей. - Что тебя тяготит?

- Ты встревожен, - добавил Маэртуин. - Тебе неудобно в нашей компании?

Взгляд Корландрила скользил по лицам аспектных воинов. Как сначала могло показаться, они ничем не отличались от прочих эльдар. Без боевых масок каждый был индивидуальностью: кто-то расстроен, кто-то оживлен, многие просто задумчивы.

- Я не хотел бы вам мешать, - ответил Корландрил. Взгляд его был прикован к пожилой женщине, которая горько плакала. Остальные пытались ее утешить. - Вы совсем недавно вернулись из боя.

Артуис проследил за взглядом скульптора и сокрушенно потряс головой.

- Несколько наших погибли. Мы оплакиваем уход павших, но их души удалось спасти, - произнесла Элиссанадрин. Остальные кивнули в знак согласия.

- Я напишу стихотворение в память о них, - сказал Артуис.

- Я рыдал как младенец, когда снимал маску, - признался Маэртуин с горькой усмешкой. - Наверное, больше всего мне будет не хватать Неамориуна. Он был отличным другом и талантливым исполнителем.

Корландрилу было знакомо это имя. Он вспомнил, как однажды ходил на концерт Неамориуна в купол Чарующего эха.

- Я видел его выступление, - сказал Корландрил, чтобы поддержать разговор, - он пел «Гибель Ультанеша».

- Это была его любимая песня, - усмехнулся Артуис. - Он пошел в Огненные Драконы, потому что вспыхивал, словно спичка. В нем всегда кипела жизнь.

- Когда я видел его в прошлом периоде, то и представить не мог, что он из Огненных Драконов, - удивился Корландрил.

- Мы же не все время проводим в сражениях, - ответил Маэртуин. Вдруг, глядя на Корландрила, он кое-что вспомнил. - Прости, что не посетил церемонию открытия твоей статуи. Обязательно схожу посмотреть на нее сегодня.

Корландрил ощутил минутную вспышку гнева при упоминании о церемонии. В памяти всплыла ссора с Арадрианом, испортившая прекрасный вечер. Все вокруг ощутили его беспокойство.

- Я был прав: тут что-то неладно, - сказал Артуис. - Не может такого быть, чтобы твоя работа не восхитила зрителей.

- Был у меня друг, который считал иначе.

Когда среди воинов послышался обеспокоенный шепот, Корландрил осознал, что использовал не только прошедшее время, говоря о друге, но и особую грамматическую форму, посредством которой упоминают лишь почивших. Эта фраза, непродуманно соскочившая с языка, выдала глубоко сокрытые чувства.

Эльдар поспешил исправиться.

- Он покинул Алайток, чтобы стать странником, - произнес Корландрил, жестикулируя для убедительности. - Все это так тяжело, мы виделись лишь недолго... Но он жив и здоров, просто наша с ним дружба вряд ли продолжится.

- Ты говоришь об Арадриане? - спросил Маэртуин.

Корландрил кивнул.

- Он всегда казался мне немного странным, - признался Артуис. - Меня постоянно преследовало такое чувство, что он вот-вот отправится в межзвездный путь.

Для Корландрила это стало неожиданностью. Само предположение, что эльдар может наложить на себя руки, было невиданной грубостью. Артуис лишь засмеялся, видя негодование скульптора.

- Я знаю, что вы с Арадрианом дружили, но он всегда был не от мира сего, - сказал Артуис. - Я не удивлен, что он решил стать странником. В нем всегда чувствовалась тяга к крайностям.

- Я отлично его знал, но никогда не замечал ничего подобного, - не согласился Корландрил.

- Лицом к лицу лица не увидать, - произнес Маэртуин. - Однако я чувствую, что тебе неприятен этот разговор. Давай сменим тему. Как Тирианна? Почему она не пришла вместе с тобой?

Бокал в руке у Корландрила разлетелся на мелкие осколки. Другие аспектные воины обернулись в его сторону. Опустилось тяжелое молчание. Все как один почувствовали исходившие от скульптора волны ярости. В глазах многих читалось беспокойство.

- Ты не поранился? - спросила Элиссанадрин, взяв за руку Корландрила. Осмотрев его ладонь, она не обнаружила крови.

-Я в порядке, - сквозь зубы процедил Корландрил, поднимаясь.

Артуис бережно, но цепко ухватил его за руку и усадил обратно.

- Да ты весь дрожишь, - сказал аспектный воин.

Так оно и было. Правый глаз скульптора нервно подергивался, руки сжались в кулаки.

- Я... - Корландрил не смог закончить фразу. Он и сам не знал, что с ним. Юноша был потерян, расстроен, но более всего зол.

- Друг наш, ты так раздражен, - сказал Маэртуин. - Что-то стряслось с Тирианной?

Корландрил не смог ответить. Всякий раз думая о Тирианне, он словно падал в бездонную пропасть поглотившей его ярости. Змея внутри сдавливала каждый его орган и не отпускала, как бы он ни пытался высвободиться.

- Это проклятье Кхаина, - не без любопытства констатировал Селлисарин, протягивая руку, чтобы потрогать лоб Корландрила. Скульптор отдернулся.

- Не прикасайся ко мне!

Пытаясь успокоить Корландрила, Селлисарин приблизился к нему, глядя собеседнику в глаза.

- Тише, не бойся, - как можно спокойнее произнес аспектный воин, протягивая руку.

Змея внутри Корландрила металась в агонии, пытаясь вырваться из тела, но он лишь беспомощно поднял руки, закрываясь от Селлисарина.

- Оставьте меня в покое, - всхлипывал он, - я... я сам справлюсь.

- Сам ты не успокоишься, - сказала Элиссанадрин, присаживаясь рядом с Корландрилом. - Рука Кхаина коснулась тебя, пробудив то, что дремлет в каждом из нас. Нельзя оставить все как есть: ты либо погибнешь сам, либо навредишь другим.

Скульптор умоляюще посмотрел на Маэртуина. Друг молча кивнул, подтверждая правоту Элиссанадрин.

- Это неотъемлемая часть тебя, как и каждого из эльдар, - сказал Артуис, - это не преступление - тебе нечего стыдиться.

- Ну почему? - стонал Корландрил. - Почему это случилось со мной?

- Тебе придется постичь природу своего гнева и страха, прежде чем ты научишься их контролировать, - сказал Маэртуин. - Эти чувства живут в каждом из нас, но мы тщательно их скрываем. Настала пора встретиться с ними в открытую. Гнев возобладали над тобой. Попытки побороть его, лишь разожгут его сильнее. Ты не сможешь просто забыть о нем, как и добровольно перестать дышать. Твой гнев - это часть тебя, он всегда будет с тобой. Единственный выход - отыскать способ направлять свою ярость в безопасное русло.

- И сдерживать ее, когда это необходимо, - добавил Артуис.

Содрогнувшись, Корландрил с трудом решился посмотреть в лица окружавших его эльдар и увидел сочувствие, а не страх. Среди кровавых убийц, отнимавших жизни и рассекавших тела врагов всего пару циклов назад, он один был преисполнен ненависти. Его одного снедала нескончаемая злоба. Как им удавалось следовать самым темным позывам своей природы, не теряя рассудка?

- Что мне делать, я не знаю, - простонал Корландрил, обхватив голову руками.

- Ты знаешь, просто боишься себе в этом признаться, - ответил Артуис. Не решаясь заговорить, Корландрил смотрел на своего друга. - Тебе остается лишь смириться с наследием Кхаина.

- Я не могу быть воином, - произнес Корландрил, - я созидатель, не разрушитель.

- Вот и прекрасно, - сказал Селлисарин, - тебе нужно провести грань между созиданием и разрушением, миром и войной, жизнью и смертью. Посмотри на нас. Разве не спокойны сейчас мы, отнявшие столько жизней? Путь воина - это дорога к бою вовне и миру внутри.

- Есть и другой выход. Добровольное изгнание, - сказал Маэртуин с кривой ухмылкой. - Ты всегда можешь последовать за Арадрианом и бежать с Алайтока.

Подобная мысль была противна Корландрилу. Покинуть Алайток - значит уйти от цивилизации. Ему требовался наставник, нужна была стабильность, а вовсе не безграничная свобода. Душа скульптора не выживет без защиты мира-корабля, как и его тело. К тому же бежать с Алайтока - значит расстаться с Тирианной. Корландрилу стало стыдно за то, что во время последней встречи с ней он вспылил.

- Что же мне делать? - спросил он тихо, смиряясь с судьбой. Его окружали воины разных аспектов

кроваворукого бога: Темные Жнецы, Воюющие Банши, Сверкающие Копья. Сложный выбор. – Я не знаю, с чего мне начать.

Первой заговорила Элиссанадрин. Склонившись над Корландрилом, она взяла его за руки.

– А что ты чувствуешь? – спросила женщина.

– Мне хочется спрятаться, укрыться ото всех, – ответил Корландрил, закрывая глаза, – я боюсь самого себя.

Аспектные воины переглянулись, и Элиссанадрин кивнула.

– Значит, прячась, скрываясь от посторонних глаз, оставаясь в тени, ты и обретишь свой путь, – сказала она, помогая юноше подняться. – Пойдем со мной.

Корландрил молча последовал за ней. Остальные эльдар расступались, освобождая им дорогу. Скульптор чувствовал на себе их взгляды, и ему хотелось съежиться, сжаться в комок. Жизнь изменилась так резко. Несколько циклов назад он жаждал всеобщего внимания, теперь же ему претили любопытные взгляды.

– Куда мы идем? – спросил он у Элиссанадрин, когда они покинули террасу Рассвета эпохи.

– Во тьме ты обретишь силу. Аспект Жалящего Скорпиона обратит твой страх в преимущество. Мы направляемся туда, где я сама научилась прятаться, – в храм Беспощадной Тени.

Взволнованный Корландрил молча следовал за своей провожатой. Она привела его к подземной станции под террасой Рассвета эпохи. На широкой платформе было немногочисленно. Межтерминальный транспорт ожидали лишь несколько эльдар. Корландрил присел на скамью рядом с Элиссанадрин. В ожидании поезда оба молчали.

Из туннеля донесся негромкий гудок, а спустя мгновение появился и сам поезд. С шипением проехав вдоль платформы, цепь округлых вагончиков остановилась, зависнув в паре сантиметров над антигравитационным рельсом.

Отыскав свободное купе в начале поезда, Корландрил и его спутница уселись друг против друга.

– Это ничего, что тебе сейчас страшно, – сказала Элиссанадрин, – надо просто научиться уживаться со своими страхами так же, как с мечтами, надеждами и талантами.

Корландрил промолчал. Поезд тронулся и нырнул в освещенный синими огнями туннель. В какой-то момент его скорость выросла настолько, что видневшиеся сквозь окна отдельные фонарики слились в единую полосу света.

Корландрил хотел расслабиться, вспомнить сон, который отвлек бы его от всего происходящего, но руки намертво вцепились в литые подлокотники сидения, каждый мускул напрягся. Он закрыл глаза, но и это не помогло. В голову пришел только один сон, настоящий ночной кошмар о кровавой бойне, увиденный им в ночь накануне возвращения Арадриана.

– Тебе снится война? – вдруг спросил он.

Элиссанадрин покачала головой.

– Именно для того, чтобы нам не снилась война, мы и надеваем боевые маски, – ответила она. –

Сражение – это жестокое, но непродолжительное действие, которое не стоит вспоминать.

Ответ спутницы лишь сильнее напугал скульптора. Поезд набирал ход, унося юношу в долину Кхаина навстречу судьбе.

Корландрил стоял перед третьими по счету воротами, ведущими к храму. Что скрывалось за ними, разглядеть было невозможно. Он был один. Элиссанадрин покинула его еще у первого входа. Белый портал выглядел аскетично, украшенный одной-единственной руной. По дороге от станции по пустынным улицам и безлюдным коридорам они прошли несколько подобных аспектных храмов.

На вид долина Кхаина не сильно отличалась от остального Алайтока (по мнению скульптора, она смотрелась довольно заурядно), но в ней определенно чувствовалась иная атмосфера. Корландрил ощутил ее, как только сошел с поезда. В самом воздухе, казалось, было что-то гнетущее. Изогнутые стены словно сдавливали путника.

Корландрилу было страшно. Сердце сжималось при мысли о том, что может скрываться за этими воротами. Аспектные воины никогда не рассказывали непосвященным о своих храмах. Круг бесконечности едва теплился в этих стенах. Голоса в нем казались приглушенными и далекими. Духи, населявшие круг, старались избегать этого места.

Глубоко вздохнув, Корландрил сделал шаг вперед. Створки ворот расступились.

Корландрил мгновенно ощутил жар и влажность. Духота окутала его, заключив в липкие объятия. Кожа сразу же покрылась испариной, капли пота выступили на руках и ногах. Простая белая туника пропиталась влагой.

Сквозь густой туман глаз едва различал стволы деревьев с нависающими ветвями. Стоило Корландрилу переступить порог, как ноги его увязли в чем-то мягком, подошвы погрузились в трясину. Не успел он пройти и трех шагов, как дверь за спиной захлопнулась. Путник оказался заперт. Поддавшись панике, он вернулся к порталу, но дверь оказалась закрыта.

Пути назад не будет.

Впереди меж луж с чем-то темным, поблескивающим и тягучим извивалась дорожка. С ветвей деревьев свисали лозы плетущихся растений. Местами их было так много, что приходилось руками расчищать себе дорогу. Мокрые плети больно хлестали по лицу и плечам.

В кронах кишела живность: блестящие зеленые змейки с красными безжизненными глазами скользили меж ветвей, насекомые с крыльями размером с ладонь жужжали вокруг Корландрила, кружили над лужами, садились на мшистые стволы, помахивая пестрыми крыльями.

Тишину нарушало журчание воды меж мангровых корней, стук капель по листьям и биение сердца. Жара стояла невыносимая: в душливом воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка. Корландрил продолжал идти по извилистой тропинке меж замшелыми пнями. Оглянувшись назад, он увидел лишь густой туман, разорванный на таящие клочья там, где пролег его путь.

Корландрил понятия не имел, сколько еще ему идти. Он шел довольно долго, но дорога все время петляла, и у него начало закрадываться подозрение, не бродит ли он кругами. Каждый новый поворот тропинки был похож на предыдущий. Здесь не чувствовался пульс Алайтока. Неорганическое не выдерживало натиска причудливого леса. Здесь не было даже эха, а небо над головой казалось далекой грязно-желтой дымкой.

Корландрилу начинало здесь нравиться. Безрадостный пейзаж помог ему немного успокоиться. Царившие вокруг меланхолия и первозданная тишина поглотили его гнев. Кривые деревья становились все больше. Они росли здесь с самого сотворения Алайтока. Неизвестно, сколько эльдар бродили по этим болотам до него, придя за ответами в храм.

Неожиданно в голову Корландрила закралось сомнение. А что, если он изначально пошел не той дорогой? Что, если он заплутал? Страх вернулся. Каждая тень зловеще уставилась на него, каждая ветвь казалась змеей, затаившейся перед нападением. Эльдар ускорил шаг, надеясь приблизить конец путешествия, каким бы он ни был. В спешке он споткнулся о выступающий корешок и упал. Корландрилу показалось, будто корень специально пошевелился, чтобы сбить его с ног. В ужасе юноша огляделся на обступившие его деревья и бросился бежать. Чем быстрее он мчался, тем извилистей становилась тропа, тем сильнее скользили ноги по глине. Он прорывался сквозь лианы, вытаращив глаза, задыхаясь, но нисколько не приближаясь к концу пути.

Все мысли улетучились, прекрасный ум скульптора работал лишь в одном направлении: как выбраться из этой трясины. Он вздрагивал от каждого шороха, отскакивал в сторону, стоило ноге случайно коснуться топи. Озираясь, юноша припал к стволу дерева, но рука наткнулась на что-то склизкое. Опустив глаза, он увидел удирающую большеглазую жабу. Амфибия поспешила нырнуть в звонко хлюпнувшее болото. Корландрил вытер руку о тунику, которая теперь была не только грязной, но и изрядно порванной.

Он был зол и совсем один. Мысли растрепались не меньше, чем одежда. Обувь жала, и он сбросил ее, запустив подальше в туман. Голые ноги вновь зашлепали по тропе. На этот раз скульптор шел медленнее, внимательнее вглядываясь в поисках ориентира.

Вскоре Корландрил почувствовал, что идет под гору, и решил двигаться вперед по поросшему деревьями склону. Тропинка выпрямилась и привела его к двум столпам из серого камня, порошким голубым лишаем. Остановившись, он очистил ото мха часть колонны и увидел высеченную руну. Она была настолько древней, что едва читалась. Корландрил провел по камню рукой, чуткие пальцы художника помогли прочесть надпись: «Тени зывают к тем, кто приходит сюда».

На второй колонне также была надпись: «От себя самого не укрыться и в самой густой тени».

Стоя промеж столпов, Корландрил посмотрел вперед и увидел очертания какого-то строения, поросшего мхом и вьюнами. Приблизившись, он увидел высокий зиккурат из того же камня, что и колонны. На покатых стенах росли деревья, укрывая здание среди своей листвы. Лишай и лианы оплели каменные блоки – здание веками обрастало природной маскировкой.

Дорожка вела ко входу в здание. Внутри чернела кромешная тьма. Корландрил остановился у порога. Эта тьма была не просто отсутствием света. В ней скрывалось нечто большее. Между светом снаружи и мраком внутри не было плавного перехода. Перед Корландрилом была сплошная завеса тьмы. Вытянув перед собой руки, он шагнул внутрь.

Во тьме было прохладно. По сравнению с удушливой жарой воздух здесь казался морозным – кожа покрылась мурашками. Корландрил распростер руки и коснулся гладкой поверхности камня, но тут же отдернул пальцы: она была ледяной. Проход был чуть уже, чем размах рук юноши. Рано или поздно этот коридор должен был куда-то привести. Вокруг не было ни звука, кроме шагов его босых ног по каменному полу.

Наконец Корландрил почувствовал, что вошел в широкий зал. Тьма не рассеялась, но стены стали

дальше – он больше не мог до них дотянуться. Эльдар остановился, тщетно ища, за что зацепиться взглядом.

Слева раздался тихий шорох. Корландрил резко обернулся, по-прежнему ничего не видя.

Звук появился вновь, на этот раз справа. Негромкое постукивание, которое прекратилось через пару мгновений.

Вдруг прямо перед ним вспыхнули две желтые точки. Они становились все ярче, пока не обрели форму золотых глаз. Они ничего не освещали и не давали тени.

Раздался глухой низкий шепот.

- Кого я вижу? Ты одинок и потерян.

- Я Корландрил. Я ищу храм Беспощадной Тени.

- Вот ты и нашел его, искатель мрачных ответов, ребенок, которого коснулась рука Кхаина.

Корландрил растерялся, наступило напряженное молчание. Он опустил руки и посмотрел прямо в желтые глаза. Это были защитные линзы.

- С кем я говорю?

- Я Кенайнат, экзарх храма Беспощадной Тени.

- Я хочу, чтобы ты научил меня навыкам Жалящего Скорпиона. Мой страх и гнев снедают меня изнутри – я должен найти способ высвободить их.

- Чего же ты боишься? Тьмы и того, что сокрыто в ней, не так ли? А отчего ты зол? У тебя погиб друг или, может, ты осерчал на посмеявшуюся над тобой возлюбленную?

Корландрилу стало стыдно. Здесь, в этом мрачном месте, все его беды казались сущими пустяками.

-Ты молчишь потому, что сам не знаешь ответа?

- Меня отвергли. Тот, кого я считал другом, и та, которую я любил.

В ответ раздался злой хохот.

- Не смей смеяться надо мной! – выпалил Корландрил, делая шаг навстречу светящимся глазам. – Моя боль настоящая!

- У каждого из нас своя боль. Она разлагает сердце, обращает любовь в ненависть. Но где же теперь твоя боль, когда ты так зол, что готов ударить меня?

Корландрил стиснул зубы, поняв, что над ним насмеются. Сделав несколько глубоких вдохов, он решил промолчать.

- Не борись со своим гневом, высвободи его, отдайся ему!

- Я не хочу причинять тебе боль, – сказал Корландрил, и вновь был осмеян.

- Я не боюсь тебя, я сам знаток страха, Жалящий Скорпион. Боишься здесь ты, причем того, что пожирает тебя изнутри и подпитывает твою злобу. Ты не сможешь причинить мне боль: тебе не хватит

ни сил, ни умения, ни злости.

При этих словах тени расступились, явив воина в броне, сидящего на ступеньках. Лицо его закрывала тяжелая маска с узкими прорезями у рта и округлыми резервуарами по бокам в обрамлении шевелюры, состоящей из извивающихся черных кабелей, каждый толщиной в палец. Зеленые с золотом пластины брони находили одна на другую. Когда воин поднялся, он оказался на голову выше Корландрила. Отзвук тяжелой поступи эхом прокатился по комнате, когда экзарх сделал шаг в сторону скульптора и поднял руку в перчатке с огромным когтем, который был окружен мерцающим энергетическим полем.

- Я мог бы убить тебя прямо сейчас, разорвать на куски за пару секунд без малейших усилий, - тихо произнес Кенайнат.

Корландрил попятился от надвигавшегося на него экзарха, который не сводил со скульптора немигающих глаз. Ледяной ужас охватил скульптора, он упал на колени, глядя в бесчувственную маску, не в силах отвести взгляд.

- Прости, я не достоин, - всхлипнул он, в ужасе проклиная себя за малодушие. Ему не по силам было ни победить страх, ни совладать с яростью. Кенайнат неумолимо нависал над ним, не сводя желтых глаз. - Я не хочу умирать, но и жить так я больше не могу!

Экзарх выпрямился и отступил назад, протягивая Корландрилу свободную руку.

- Тогда, добро пожаловать. Настоящий воин не ищет смерти, но и не цепляется за жизнь. Встань, Корландрил с душой Жалящего Скорпиона, беспощадная тень Кхаина.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Путь_воина_/Path_of_the_Warrior_\(роман\)&oldid=17403](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Путь_воина_/Path_of_the_Warrior_(роман)&oldid=17403)

Эта страница в последний раз была отредактирована 16 июля 2021 в 17:11.